

Юлия Нифонтова

12 часов страшных тайн

12

Самых

страшных

тайн

Юлия Нифонтова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Нифонтова
12 самых страшных тайн

«Автор»

2016

Нифонтова Ю. А.

12 самых страшных тайн / Ю. А. Нифонтова — «Автор», 2016

Книга состоит из четырнадцати рассказов и повести, основанной на письмах из реабилитационного центра для наркозависимых. Центральная тема сборника – борьба человека с самим собой, со своими грехами и иллюзиями. Выпукло обрисовываются острые проблемы алкогольной и наркотической зависимостей, недостатка любви и взаимопонимания. Автор показывает весь ужас падения, ищет пути выхода из нравственного тупика. Через тяжкие испытания герои идут к нравственной чистоте. В произведениях густо перемешано трагическое и смешное, вымысел и реальность. Книга адресована широкому кругу читателей. Содержит нецензурную брань. В книге встречается упоминание нетрадиционных сексуальных установок, но это не является пропагандой

© Нифонтова Ю. А., 2016

© Автор, 2016

Юлия Нифонтова

12 самых страшных тайн

День рождения Летучей Мыши

рассказ

I

Мефистофель:

В того невольно верят все,

Кто больше всех самонадеян...

Иоганн Вольфганг Гёте «Фауст»

Капа прилетела, как заполошенная, с диковато вытарашенными глазами, бледная от перевозбуждения. Ведь ей предстояло поведать важнейшую новость. Короче... выглядела она, как обычно, так как перманентно пребывала в истерическом экстазе. Новость тоже была не нова и заранее известна: к нам едет... нет, не ревизор, а король непознанного, император загадочного, генеральный директор мистического, короче САМ!!! БЕС – БОГДАН ЕРОФЕЕВИЧ СЫТНИКОВ!!!

– Светик! Собирайся на семинар! Никакие отговорки не принимаются. Ты идёшь и всё! Такая возможность бывает один раз в жизни... ну, или два раза... – Капа тараторила, словно одурманенный перспективой молниеносного обогащения распространитель Гербалайфа, – Команда сильнейших в мире экстрасенсов! Мамик сделает нам бесплатный доступ, как молодым особо одарённым ясновидящим. Свита прибудет в четверг, а самого БЕСа ждём в пятницу к полуночи.

– Кап, ты меня извини, конечно, но у меня семья. Если ты не забыла, то мы с Павликом всего год как женаты, и я не хочу проблем из-за ватаги волшебников-недоучек. Как я мужу объясню своё отсутствие по ночам? Мол, не могу пропустить явление беса в полночь. Представляешь, что он мне ответит?!

– Ты, наверное, не понимаешь? – Капа была неумолима. Она понизила голос до уровня, на каком сообщают только самые интимные подробности, ещё больше выпучив глаза, отчего стала похожа на героиню мультиков-анимешек, – Нам же повезло, как никому! Его визит падает на особый праздник – День рождения Летучей Мыши!

– Точнее ночь?

– Мамик говорит, что у того, кто попадёт на семинар, сбудется любое самое невероятное желание!!!

– А-а! Ну-у, теперь понятно. Наконец-то я стану космонавтом! Ты-то, ясно дело, идёшь туда, чтобы в свою страстно желанную Новую Зеландию переехать. Сколько тебя помню, только об этом гредишь. А мне чего желать? У меня всё есть для счастья: муж заботливый, в институте – порядок, на красный диплом тянут меня за уши всей кафедрой, родители здоровы, спонсируют регулярно. Я благодарна за то, что у меня есть, и лучшего не желаю. Хотя...

Мой взгляд наткнулся на самодельный коллаж из афиш, газетных вырезок, журнальных статей, с которых смотрел кумир поколения Пепси – неповторимый, гениальный певец Лёва Шафран. Этот яркий клочок цветной бумаги я могла доставать, только когда дома не было мужа Павлика, так как не думаю, что ему было бы приятно, что молодая жена, словно прыщавая пэтэушница, фанатеет от какого-то распиаренного франта. Но я при каждом удобном случае подолгу глядявалась в афишу, как в открытое окно, в другой яркий, манящий мир большого шоу и неограниченных возможностей.

От волшебного «шафранового» голоса в душе моей что-то неизменно переворачивалось, начинало тревожно поднывать и рваться куда-то прочь, но не в Новую Зеландию, а неизвестно куда и зачем. Везёт же дурёхе Капке – она точно знает, чего хочет.

– Ладно. Но отпрашивать меня у Павлика будешь ты, и если эта авантюра удастся, то мы идём. Уж больно хочется поглядеть на триумфальное явление беса в лунную ночь рождения.

На самом деле я даже не сомневалась, что стремительная торпеда Капка уломает кого угодно, а уж такой податливый доверчивый подкаблучник, как мой Павлик, вообще не в счёт.

Великой мистрии предстояло состояться под худой крышей обшарпанного профилактория «Энергетик». Бесовская команда в ожидании руководителя обрабатывала пространство трети сутки кряду. Дни и ночи без перерыва на обед и сон экстрасенсы, собранные со всего мира, вели групповые занятия, сеансы общеполитического и экономического ясновидения, обучающие семинары, открывающие глаза на устройство мира, а так же индивидуальный приём за отдельную плату.

Все комнаты оздоровительного учреждения были переполнены страждущими. Половину всех пациентов волшебного профилактория составляли приезжие из районов края и близлежащих городов. Многие из них производили впечатление фанатичных ходяков, продавших единственную корову-комилицу и подавшихся по святым местам в поисках чуда. Рядом с этой категорией обычно катилась детская инвалидная колясочка с ребёнком-инвалидом. Смотреть на них было невыносимо больно и почему-то приятно. Они радовались любому иллюзорному прогрессу в состоянии малыша, глаза их светились надеждой и упорством. У них был смысл жизни!

Повсеместно тусовались скучающие обеспеченные дамы, которым просто некуда было себя деть от безделья, и не на что потратить дурные деньги высокопоставленных супругов. Светские львицы рубенсовских форм мечтали изрядно омолодиться, а заодно похудеть без усилий килограммов этак на тридцать-сорок...

Не последнюю роль в предании общей массе пикантной интриги да стильного готического флёра играла та часть публики, к которой номинально принадлежала теперь и я. Это были гадалки, ясновидящие, космоэнергеты разного толка и невеняемые предводители самодельных сект местного разлива. Их роднило одно – все они наиболее гармонично смотрелись бы в интерьерах закрытой лечебницы для душевнобольных.

Все они были сами не прочь пополнить команду чародеев. Усиленно набивались к приездом звёздам в знакомцы, одурманивая заумными дискуссиями. Напав в тёмном коридоре на члена магического клана, потерявшего бдительность после сытного ужина, захватчик впивался в рукав «жертвы», непрерывно грузил бредом, буравя тяжёлым безотрывным взглядом. Отделаться от подобного маньяка было проблематично даже матёрым дельцам от запредельного.

Празднование рождения Летучей Мыши должно было состояться в ночь с четверга на пятницу, к этому событию был приурочен визит Великого и Ужасного. Когда точно прибудет карета БЕСа, никто толком не знал, поэтому весь день паства находилась в приятном возбуждении. По мере приближения вечера возбуждение усиливалось, грозя перейти из разряда приятного в иступлённо истерическое.

В ступившихся сумерках свита, переодетая в фиолетовые атласные балахоны собралась на широком крыльце профилактория. В сверхспособных руках они держали пузатенькие коньячные фужеры с зажжёнными в них свечными огарками.

Простые смертные довольствовались местами на галёрке: маялись по балконам и на газонах во дворе. Капа, поднаторевшая на бардовских фестивалях и магических семинарах разных уровней, ещё с утра положила свой походный матрац-каримат у самого крылечка, придавив его толстым фоллиантом «Диагностика кармы». Такая предусмотрительность позволила нам продвинуться в самые первые ряды встречающих.

Но, несмотря на затянувшееся тревожное ожидание, появление наследника графа Каллиостро обрушилось на встречающих как-то внезапно и вызвало в толпе священный трепет. На площадку перед входом в профилакторий вдруг выплыл величественный, словно парусный фрегат, длинный серебристый лимузин, какие обычно заказывают в нашем городке на бракосочетание кичливые молодожёны с деньгами и без фантазии.

Свита как по команде упала на одно колено, опустив головы, покрытые одинаковыми капюшонами. Старший из свиты, желчный горбун из Болгарии под творческим псевдонимом Квазимодыч удостоился чести открыть дверь автомобиля.

И миру явился ОН!!!

Вальяжно и подчёркнуто расслабленно из пафосной «каretty» вылез огромный пожилой солидный мужчина с лицом победителя, не знавшего поражений. Одежда мэтра не сразу бросалась в глаза, ведь никому не могло прийти в голову, что на таком представительном гражданине может быть одето нечто неподобающее. Поэтому когда мой взгляд уткнулся в жирное пятно на мятой футболке и протёртую дыру на вытянутых «трениках», то сначала мозг отказывался фиксировать и соотносить увиденное с образом великого чародея.

БЕС поприветствовал собрание кратким, но внушительным потрясанием рук над головой. Вдруг, совершенно неожиданно для всех, магистр развернулся в сторону тёмного парка и побежал не оглядываясь.

Пока оторопевшая толпа приходила в себя, соображая, что нужно делать, ушлая Капа моментально отреагировала, крепко схватив меня за руку, бросилась вдогонку. Несмотря на то, что догоняли мы БЕСа со всей юношеской импульсивностью, его огромная квадратная спина стала вскоре теряться среди деревьев сумрачного парка. Разгорячённая погоня дышала нам в затылок.

Временами казалось, будто мы вовсе упустили предводителя из вида. Но подкрадывающееся сомнение сбивала яркая футболка, выныривающая из густых зарослей. Среди догоняющих были взрослые крепкие мужчины, явно не чуждые спорту. Понимание того, что нас с подружкой неизменно, по вечному закону джунглей, оставят позади более сильные соперники, не давало сбавить темп.

– Припусти шибче! – Задыхаясь, выдавила Капа и рванула из последних сил. Вожделенная футболка вновь замаячила в сумраке. Но радоваться первенству не осталось сил. У меня сильно закололо в боку, в горле колотилось сбесившееся сердце. Хватая воздух, я не могла отдышаться. Капа же, как разъярённая пантера, не снижая скорости, преследовала добычу.

«Настоящая олимпийская воля к победе!» – от восхищения Капкиной одержимостью в голове пульсировала эта заезженная фраза времён коммунистических свершений. Как вдруг квадратная спина резко остановилась на видимом, но ещё приличном расстоянии.

Всё произошло настолько быстро, что я, взмыленная и отупевшая от погони, ничего сначала не успела сообразить. А прозорливая Капа словно только и ждала этого момента. Всемогущий Победитель Тёмных Сил с громким зычным выкриком: «Кто поймает – тому счастье!» подбросил вверх монетку. Маленький волшебный кругляш призывно сверкнул в последнем закатном луче. Линия траектории его полёта затерялась для всех изумлённых ловцов фортуны.

Для всех, но только не для Капы. Она, словно матёрый форвард футбольной сборной, подлетев с места, поймала в воздухе видимый только ей «мяч». Ахи-охи, ойкания, в которых была гамма эмоций из разочарования, восхищения и зависти слились в один вздох.

Капа мигом осознала, что «сделала» всех. С нескрываемым торжеством счастливица обвела торжествующим взглядом толпу неудачников. Словно демонстрируя превосходство надменному космосу, взбивая кулаком пространство над головой с крепко зажатой горячей пятирублёвой монетой, издала победный клич:

– Вот она моя Зеландия! Новая, между прочим!

К вечеру выяснилось, что «бесовская» команда чётко поделена на определённые кланы, и каждый из магов занимает свою ступеньку на иерархической лестнице в Астрал...

Низший магический персонал готовил площадку предстоящего бала. Шла накачка площадей профилактория положительной энергией. В работе были задействованы и простые

смертные. Словно опытные массовики-затейники маги умело манипулировали толпой. Как на сеансе лечебной физкультуры в санатории для престарелых тружеников тыла, «отдыхающие» по команде водили хороводы, играли в жмурки, дружно жужжали и соревновались, кто громче крикнет «Ура»!

Различными нехитрыми забавами люди были доведены до высшей точки абсолютного неконтролируемого счастья на грани экстаза. Этот яркий пузырящийся коктейль не мог оставаться внутри разрозненных организмов, он фонтанировал, с шумом выплёскиваясь наружу. Огромный зал битком набитый народом безудержно захохотал. Мы оказались, словно внутри воздушного шарика, вместо гелия накаченного смехом. Со всех сторон неслись переливы. Всё хохотало вокруг тысячами голосов от хриплого баса до тонкого визгливого писка.

Разношёрстная публика вдруг ощутила себя единой командой, одним большим организмом, переполненным светлой радостью и необыкновенной любовью ко всему живому на земле. То тут, то там мелькали клиенты особо подверженные внушению, они впали в транс и теперь как заведенные махали руками, или, упав на пол, сучили конечностями, пребывая в райских кушцах, видимых только им.

Но этот, казалось, неуправляемый мощный поток эмоций многотонной живой биомассы оказался под чётким контролем у чернорабочего магического персонала. Как только накал страстей грозил перейти в истерику, наши няньки, одним только им подвластным способом рассеяли напряжение. Смех затихал, как бушующее море успокаивается после шторма. Феерия, грозящая перейти в оргию, разгонялась элементарными пассажами. Глаза, только что разбрызгивающие слёзы безудержного смеха, подёргивались томной поволокой, не в силах оторваться от плавных движений рук организаторов досуга.

По всему нашему большому общему телу разлилась тёплая умиротворяющая волна покоя, благодушной лени, нежности и всепрощения. Сеанс энергетической накачки площадки завершился долгим всеобщим массажем. Все без разбору, а кое-где и по несколько массажистов на одну тушку поглаживали, похлопывали и терпеливо растирали друг друга так сосредоточенно, будто не было на свете занятия важнее этого.

Следующим этапом работы была так называемая «прошивка». Остатки магического теста, то есть мы, бесталанные, расползлись по периметру зала, устеленного в несколько рядов спортивными матами. Настил создавал ощущение мягкой, но упругой перины. Это, видимо, было необходимо по правилам безопасности для нервических особ, непрерывно, без особых усилий впадающих в глубоких транс.

Уставшие, но довольные служки БЕСа разбежались по номерам отдыхать. Их сменили модуляторы – персонал рангом повыше. Им предстояло систематизировать правильным образом ту разномастную бешеную энергию, которой только что до предела накачали данное помещение.

По четырём углам рассадили неподвижных, как изваяния, сверхчувствительных ясновидцев. «Это наши «антенны» – своеобразные средства связи с всеобщим информационным полем», – пояснила мне горячим шёпотом продвинутая Капа. «Человекообразные антенны» расселись в позе лотоса, раскрыв ладони вверх, словно настраивая на нужную волну маленькие принимающие спутниковые тарелочки. Иногда к ним подходили модуляторы пространства и консультировались, видимо, о том, одобрена ли их работа по организации данного мероприятия Кем-то свыше.

Модуляторы с сознанием дела и согласно рангу передвигались по игровому полю подобно шахматным фигурам. Лепили из воздуха невидимые шары и квадраты, перекидывались энергетическими сгустками, то и дело, пытаясь «тучи разгонять руками».

Ближе к полуночи «прошивка» была завершена. Пространство зала, заваленного спортивными матам, было окончательно подготовлено к празднованию Дня рождения Летучей Мыши. К тому моменту я уже была в курсе, что Летучая Мышь – это утончённый, небесной

красоты, трансвестит из Бангкока, «бриллиант» коллекции экстрасенсов. Само празднество также должно было, видимо, напоминать известные тайские шоу с прежней работы сверхчувствительного мастера преображений. Такой вывод можно было сделать, потому как начали появляться персонажи высшей магической касты в невообразимых карнавальном костюмах.

Свет потушили, направив на середину пустого зала разноцветные фонарики, что выхватывали яркий кружок света – эстрада была готова. В притаившейся темноте ощущались осторожные шевеления и еле слышный шёпот. На возвышении, будто сам собою вырос солидный трон. Его подсветили снизу, и теперь он ждал своего грозного хозяина, словно чёрная разинутая пасть чудовища молча намекала на неотвратимость человеческой жертвы.

Шуршали парчовые туалеты, плыли широкополые шляпы, огромные пушистые страусиные перья колыхались над мертвенно-бледными пятнами бесстрастных венецианских масок. Из темноты то возникали, то растворялись в никуда таинственные персонажи. Вот прекрасная в своей наготе, прикрытая одним лишь крохотным передником буфетчицы, промелькнула огненно-рыжая Гелла под руку с совершенно квадратным свирепым Азазелло. В длинном, до полу, простреленном кожаном плаще с автоматом наперевес вальяжно прошествовал Костя-Мафия, конкретно-реальный колдун из Одессы. Затравленный повышенным женским вниманием Казанова в дорогом, но по-холостяцки помятом камзоле, прошмыгнул, мечтая остаться незамеченным. Подвижная, словно ртуть, темнокожая супружеская парочка Арлекин – Колумбина отважно задирали долговязого и циничного Мефистофеля, австрийца-химика.

Вдруг, мерцающая миллиардами бриллиантовых искорок, словно корабль-призрак, сотканный из кружев, тумана и звёзд, в зал вплыло Его Высочество Летучая Мышь. Воздух наполнился дурманом дразнящих ароматов инопланетных цветов и ещё чего-то непреодолимо манящего, возбуждая самые грешные желания. Огромный узорчатый веер такого же стального цвета, как и весь туалет, прикрывал лицо неземной красоты. Из высокой причёски, состоящей из локонов, хитросплетений кос разной толщины и драгоценных камней, произрастали невероятно длинные пурпурные перья, что величественно покачивались при каждом шаге.

Невообразимо красивое и загадочное «Нечто» бесшумно прошествовало по мягкому ватному полу, как по ночным облакам. Внезапно, под восхищённые аплодисменты, эта невиданная экзотическая «птица» взмахнула широченными рукавами-крыльями и взлетела в тёмную высь, будто и не существовало больше никакого потолка и закона земного притяжения. Из чёрной дыры в параллельный мир, на ошеломлённых зрителей обрушилась лавина блесков, словно волшебный порошок фей, помогающий улететь в Небыландию.

Видимое пространство покрыл сверкающий иней. Блёстки подсветили волшебным светом все поверхности, выхватили из лап темноты силуэты людей. Искорки наполнили воздух и жили теперь повсюду своей загадочной жизнью, наполняя пространство, летая, где вздумается, по своему разумению. Мы переместились в маленькую рукотворную Вселенную, где каждый чувствовал себя живой планетой, частью Силы высшего порядка, способной творить чудеса.

Тихая, баюкающая «заснеженный» мир, музыка резко разорвалась громкоголосыми фанфарами с некими явно восточными вибрациями. Луч света выхватил, водружённый на возвышение помпезный трон, который вот только что был пуст. Теперь на нём восседал БЕС в бордовой мантии с высоким воротником. Даже в обрамлении огромного, как павлиний хвост, воротника его голова казалась массивной, словно позаимствованной на время у каменной статуи с городской площади. Подсветка снизу, характерная для освещения административных зданий, призванная подчёркивать значимость фасадов, искажала лицо мэтра до неузнаваемости, придавая ему черты поистине адского происхождения. Массивный нос изогнулся до крайности, мохнатые брови взлетели к вискам, а остатки волос на затылке, обрамляющие внушительную лысину, изогнулись, как толстые короткие рога. Вся его кряжистая фигура была преисполнена величественной монументальности, тяжёлые складки средневекового одеяния были словно высечены из гранита.

Иллюзия, что перед нами не человек, а монумент сохранялась ровно до того момента пока «памятник», нарушая торжественную неподвижность, не начинал говорить. Наваждение моментально лопалось, как мыльный пузырь, и перед нами являлся темпераментный «итальянец» с подвижным лицом голливудского комика и резкой жестикуляцией. Застывал БЕС также внезапно, как и оживал. И тогда вновь на постаменте сидело изваяние «Люцифера в красном перед казнью грешников».

Из его пламенной речи я мало что поняла, но интуитивно уловила главную мысль: «Мы – это то, что мы думаем. Имеем только то, о чём думаем», – ещё там было много белиберды, типа: «Человек – клетка Вселенной, но и в каждой его клетке – Вселенная. И только мысль задаёт направление нашей судьбе...»

На освещённом пятачке вновь, словно вытканый из серого тумана, проявился силуэт Летучей Мыши. Пронизывающий до костей голос, который никак нельзя было определённо отнести к мужскому, либо женскому, изрёк:

– Гспа-ада, танцы до утра! Пригла-а-аша-аю...

Но никто не шевельнулся, не кинулся охмурять пару или водить вокруг именинника псевдо-народные хороводы. Напротив, люди притихли, затаив дыхание, отчего казалось, что все тёмные углы зала кишат притаившимися в тылу врага разведчиками, судорожно подсчитывающими танки и пулемёты противника.

Все взгляды устремились на освещённую перекрёстными лучами танцплощадку. Над ярким пятачком света, словно в воздухе, багровым пятном повис БЕС. Лицо его ушло в тень, зато ярко прорисованные руки нависли над танцполом, будто пианист-виртуоз замер перед исполнением сложного концерта.

Тот же бесполоый пронизывающий голос, казалось, лился теперь со всех сторон:

– Гспа-ада, музыка записана в случайном порядке. Её будет для вас выбирать провидение. На кон выходит тот, на кого укажет САМ! Танец парный. Ваш партнёр – кто-то из всемогущей команды. Во время танца постарайтесь закрыть глаза, расслабиться, опустошить голову от посторонних мыслей и сосредоточиться на желании. Уда-ачи! Начина-аем...

Далее всё происходило, как в странном навязчивом сне, когда события повторяются по кругу, но с новыми нюансами. БЕС указывал на человека из публики, иногда долго вглядываясь (как будто что-то возможно было увидеть в этой масляно-чёрной мгле). Иной раз «танцора» выдёргивали мгновенно, будто тот долго ждал своей очереди, гнусаво канючил и ужасно надоел. К нему подплывал именинник – «Бэтман по-тайски», осторожно и даже вкрадчиво выводил счастливого в центр освещённого круга. Люди выходили безропотно, как замороженные. Видно было, что ни у кого не возникло даже мысли сопротивляться этакой сладкой, но всесильной кротости.

Дедушка, с ног до головы изъеденный псориазом, танцевал с бесстыжей Геллой томный «медляк», в процессе которого он, следуя всем законам драматического жанра, имитировал красивую трагически-пафосную смерть, а затем медленное, но неотвратимо радостное воскресение.

Страстное агрессивно-эротическое танго с Казановой наверняка избавило от застарелой фригидности пухлую дамочку из богатеньких. Танец явно произвёл впечатления на многих, так как из тёмных закоулков зала послышалось озабоченное сопение и мармеладное причмокивание.

Подруга Капиной мамы – старая дева, классно гадающая на кофейной гуще, решительно пришла сюда добывать мужа. Не отступив, даже когда к ней на площадку вышел безобразный Квазимодыч. Они так зажигательно отплясывали «калинку-малинку», что заслужили самое искреннее одобрение зала. Во время танца оба казались необыкновенно обаятельными и даже прекрасными.

Костя-Мафия укатал самодовольного бизнесмена с брюшком под сингл культового «Криминального чтива».

К хромому мальчику с ДЦП, вышедшему в круг на костылях, в партнёры досталась семейная арлекиново-коломбиновская пара. Видимо, супруги так сроднились за время долгого брака, что стали единым и неделимым чернокожим персонажем команды. Они, как любящие негритянские мама и папа, качали своего родного, по совершенно нелепой случайности бледнолицего малыша, осторожно перекачивали его по мягкому настилу, кружили под нежную и грустную английскую колыбельную. Всё это действо напоминало ремикс черно-белого «Цирка» – блокбастера времён неминуемой победы коммунизма.

Поджарый Мефисто, сбросив меланхолию, зажег румбу с Капиной маман. Да-а! Ловец человеческих душ явно прибавил оборотов и удачных афёр в её без того успешный колдовской бизнес.

Но самое удивительное, было не то, что все танцоры показывали на площадке столь высокий класс, будто всю последнюю неделю посвятили исключительно репетициям своего номера, а то, что выделяли они невероятные кульбиты, чётко повинувшись рукам БЕСа. Он дёргал с высоты за невидимые нити, заставляя «марионеток» беспрекословно подчиняться воле опытного кукловода.

Почти все исполнители, кроме псориазного дедушки, танцевали с закрытыми глазами. Да и старик «прозрел» только в конце своего танцевального мини-спектакля, когда изображал апогей воскрешения Лазаря. Честно говоря, в тот момент его туманный взгляд трудно было назвать осмысленным. Создавалось впечатление, что люди танцуют во сне. И от этого становилось одновременно страшно, весело и азартно.

В очередную паузу между танцами публика замерла в ажиотаже: «Кого же следующего выберет БЕС? У кого сбудется самая заветная мечта? И что за интригующий номер ждёт зрителей?»

БЕС медлил, переводя взгляд из одного угла зала в другой, ища взглядом кого-то из своей команды, как будто он уже давно знал, чье желание сейчас будет исполнять, но никак не мог решить, кого из своих адептов поставить в пару. Он напоминал фармацевта, который, составляя снадобье, подыскивает нужный компонент.

Наконец БЕС удовлетворённо кивнул и указал на меня. Под очередное всеобщее «Ах!» ко мне, «дыша духами и туманами», подплыло Его Высочество. Не смея послушаться, я, как во сне, смиренно повинувшись тонкой изящной руке в серой шёлковой перчатке, вошла в световой круг. Мы оказались, словно в уютной светящейся сфере, отгороженными от всего мира. Перестали существовать все люди, исчез с лица земли этот убогий профилакторий, исчезли Капа и её мамик со всеми своими подружками-гадалками. Но ко мне не вышел больше никто из «бесноватой» команды. И мы остались только одни во всём мире: я и Летучая Мышь...

– Ра-асса-а-а-а, – промурлыкал бесполой голос, которому невозможно было перечить. Высокая точёная фигура, сотканная из серых кружев, придвинулась ко мне вплотную, обдавая волной инопланетного парфюма.

Грянул «Призрак оперы». До сих пор не могу внятно объяснить, что же произошло на самом деле. Будто неистовый ветер ураганной силы подхватил и понёс меня, безвольную, наполняя непобедимой светоносной энергией каждую клетку. Помню, что состояние это сначала ошеломило, а затем безумно понравилось.

Временами мне было позволено на малую долю секунды очнуться, и тогда я видела себя сверху глазами БЕСа.

И можно было любоваться с высоты необыкновенным волнующим танцем: я и Летучая Мышь творили танец любви – любви странной, горькой, запретной, от того изысканно нежной и вычурно прекрасной! Фигуры изгибались, плыли, как водоросли, повинувшись подводному

течению. То вдруг взмывали ввысь и разлетались многозвёздным салютом, а после неизменно притягивались и стекали вниз.

В апогее танца, на его самой высокой ноте, когда магический голос перешёл в ультразвук, доведя мир до экстаза, когда страх и восторг так круто перемешались, будто мы летим с высоченной скалы, наши тела вдруг срослись, став единым целым, как ствол крепкого дерева. Руки впились в кожу, страстно переплетаясь. Сверкающие, перламутровые губы приблизились к моим вплотную и чуть приоткрывшись, дышали мускатным ароматом. Безумный поцелуй разорвал мозг. Внутри словно вспыхнули миллиарды блёсток, какими сыпал сегодня мой экстравагантный партнёр. И, наполненная чудодейственной, поднимающей в воздух силой, я ощутила себя одной из миллиарда – маленькой сверкающей блёсткой. Это была последняя мысль, которую я уловила, улетающая-тая, та-ая, та-ая, та-ая...

II

Я не могла отделаться от ощущения нереальности происходящего несколько дней. Ходила сонно рассеянная. Уносила мыслями в тот странный волшебный танец, притягательный своей безнадёжной, обречённой горькой нежностью, похожий на любовь голубя и ястреба, удава и кролика, демона и праведницы, палача и жертвы...

Я прекрасно знала, что семинар ещё идёт, и, наверняка, там происходит масса интересного и необъяснимого. Но не поддаваясь ни на какие слёзные Капкины мольбы, что, мол, потеряю полжизни, и отчаянно сопротивляясь жёсткому давлению «мамика», на «профилактический шабаш» я больше не вернулась. Прекрасная половина этой «семейки Адамс» (вылитые!) лютовала...

Хотя мне и самой было временами жутко интересно, что там происходит, но некая неведомая сила, замешанная на страхе разочарования, не пускала туда, заставляя искать новые отговорки. Я ревностно оберегала от развенчания свою хрупкую сказку. Хотелось как можно дольше продлить волшебное послевкусие от пребывания в ожившем сне, где так густо неразделимо смешались быль и небыль.

Особенно страшно было бы случайно столкнуться с моим загадочным партнёром в тёмном обшарпанном коридоре или столовке профилактория, насквозь пропитанной запахом тушёной капусты, будто отдыхающие сидели на вечной капустной диете. А вдруг без грима, при безжалостном свете дня он окажется не феерической Летучей Мышью, а каким-нибудь щуплым Сяу-Мяу с китайского рынка с тонкими кривыми ножонками в стоптанных сланцах и с непопыхающимися в рот кроличьими зубами?

Я не представляла его без макияжа, флёра манящих духов, таинственного полумрака. Будто это слишком красивое, искусственное, нарисованное лицо было истинной личиной чародея. А снимки с него экстравагантный наряд, смой краску, лишши высокого парика с длинными перьями. Что останется?! Да и вообще останется ли кто-нибудь там, внутри узкого парчового платья?! Может, там и нет никого?..

Но ещё опасней, если при встрече он окажется таким же чарующим, завораживающим апологетом тайной, запретной любви, каким запомнился. Это гораздо хуже! Может произойти нечто непоправимое, что разрушит всё в моей судьбе. Тогда крах, неизвестность. Ведь *такие* поцелуи не проходят даром – они или ломают привычный ход бытия, поворачивая вспять линию судьбы, или их потом помнят всю жизнь.

Муж Павлик последние дни поглядывал на меня подозрительно, но молчал. Он вообще – мастер сидеть в окопе, занимая выжидательную позицию. Только старательнее, чем обычно готовил свои завтраки-ужины. И сыра сверху натрёт на мелкой тёрочке, и зелёный листик петрушки приладит на каплю красного кетчупа.

В нашей семье с первых дней было заведено, что всей «едьбой» занимается только супруг. Он очень гордился этим обстоятельством и надо-не надо хвастал знакомым: «У нас с женой – разделение труда. Я готовлю, она ест, я мою посуду!» И радостный такой... По-видимому, роль

жертвы бессовестного домашнего тирана доставляла ему истинное наслаждение. Сатрапом он изначально назначил меня, потому как ничего по дому делать мне просто не давал. Стирать он категорически запрещал из-за моей аллергии на стиральный порошок. По магазинам ходил тоже он. Только когда мне нужно было что-то купить, мы вершили воскресный шопинг вместе. Убираться в квартире муж предпочитал в одиночестве, когда я находилась на занятиях. Павлик даже любит иногда заплетать мне косы, как заботливый папа, собирающий в детский сад малолетнюю дочурку.

Я смотрела на него – такого будничного, такого обыкновенного – и на душе становилось тоскливо. Неужто вот так и проживём всю долгую-долгую серую жизнь по уши в вязком бытовом болоте?.. С неизменными прогулками в парке каждую субботу, ежедневными супчиками и воскресным рыбным пирогом. Павлик чрезвычайно гордился, если тесто удавалось пышным, но зато так неподдельно сокрушался, если что-то в его стряпне не соответствовало идеалу. Чуть не до слёз!!!

Ужели это оно и есть – простое женское счастье? Мещанский скучный мелочный мирок, где всё банально, пресно, предсказуемо. И никуда от этого не деться! Благоверный ведь даже в гости никуда без меня не ходит. И ревнует к каждому, хоть и виду не подаёт. Но я-то вижу: раз насупился, то всё – сутки молчаливых страданий обеспечено.

Вот и сейчас пылесосит, старается, пытит. Молодой ещё совсем, а брюшко уже отчётливо наметилось, и лысинка ранняя потихоньку пробивается. И чего, скажите на милость, ковёр елозить каждый день? Неужели поинтереснее занятия найти нельзя?

Идиллическую картину семейной жизни: муж прибирается всё тщательней, а жена листает модный журнал всё остервенелей, – прервал настойчивый телефонный звонок. Обычно воскресными утрами нас никто не беспокоил, даже моя навязчивая свекровь с гиперопекой в виде очередных тёпленьких блинчиков, после моего короткого внушения, старалась не лезть с утра в выходной. Так бесцеремонно врывать в чужую частную жизнь, оставаясь при этом абсолютно в своей тарелке, умеют только журналисты.

Да, это была Китикэт. Бывшая моя одноклассница Катька, ныне ведущая музыкально-криминальной передачи местного ТиВи. Тараторка и сплетница, но при всей легкомысленности, весьма пробивная девица. Непомерная наглость, замаскированная под наивность девчонки из народа, стала не вторым, а первым Катькиным счастьем. Портрет будет полным, если добавить к этому, весьма важному для выживаемости в современном мире качеству, длиннющие «цапелькины» ноги на шпильках, рыжие кудряшки, курносый нос в веснушках, задорный смех по любому поводу и всегда удивлённое выражение круглых глаз: «Я только что упала с облака. побыстрее расскажите, как вы тут живёте. Мне интересно всё, всё, всё!»

– Превед! Это я – счастье твоё негаданное! Как жисть семейная? Не обрыдла ишшо? Собирайсь-подмывайсь, поедем сёдня мечту твою збывать!

– Что-то нынче слишком много желающих мечту мою сбывать. Сразу говорю – ни на какие гулянки не пойду. Ты же знаешь, я не выездная.

– Фи, мадам, це не комильфо! Разве я могу при моём-то воспитании предлагать замужним дамам банальный бля-манже?! Выше бери! Ты ведь даже не представляешь, чего в мире-то твориться! Я тебя хотела аж ночью с супружеского ложа вытряхнуть. Еле до утра дожидла с такими-то новостями!!! К нам едет...

– Что неужели снова ревизор?

– Хлеще! Лёва Шафран! Попсец – поповый. Он, кстати та-а-ак закабанел, так что считай к нам идёт полный попсец! Причём едет он СПЕЦИАЛЬНО К ТЕБЕ!!! Просекаешь конъюнктуру?

– Ко мне? Почему ко мне? А откуда он вообще обо мне знает?

– Да тут такой финт! Помнишь, ты после дискотеки диджею Финику по руке гадала? Ну, весь такой контрацептивный, ой, то есть концептуальный, ведёт себя вечно, как Чайков-

ский. Королевна, гомося махровая. Ну, Финик – Фима Никифоров. Он со звёздным мальчиком Шафраном где-то на столичных площадках пересёкся. Ну и рассказал ему, значит, что ты у нас есть – Сивилла из Грязнопупинска. И, мол, всё, что ты ему вещала сбылось, до запятой. Так Шафран подорвался, гастрольный график подкорректировал и специально к нам едет, чтоб с тобой, моя прорицательная, состыковаться. Мне, как лицу приближенному поручено подготовить почву. А я тебя вызваниваю, стараюсь. Ну, чо? Очумела от восторгу, дык нюхни наша-тырю! Давай, чтоб, как штык, к семнадцати нуль-нуль была у служебного входа в шоу-центр «Европа». Я тебя везде проведу. Ты ж знаешь, у меня обаяние и пробивные способности, как у щенка ротвейлера. Заодно и концерт на халяву посмотрим.

Погода, не внушающая доверия с самого утра, к обеду испортила к себе хорошее отношение окончательно. Небо затянуло тучами цвета линялых джинсов. Заморосил холодный дождь, такой мелкий, что стало ясно – быстро эта гнусь не кончится. Китикэт про такую атмосферную каверзу говорила: «Погодка называется – займи, но выпей!»

Над автобусной остановкой зиял огромный плакат социальной направленности. Из рта явно ужаленного парня выплывал белый пузырь с надписью: «Я нашёл выход!» Чуть ниже, видимо пояснение, что же имеется в виду: «Наркомания и алкогольная зависимость!!!» Под портретом нашедшего выход из всех жизненных неурядиц в наркоте и пьянке, продолжение: «Лечение наркомании, алкогольной зависимости и табакокурения, чтобы были здоровы!» Теперь не осталось и сомнения, что пагубные зависимости несчастного обречённого нарканавта будут просто здоровенными...

Словно живое свидетельство того, что подобный выход нашёл не только рекламный юноша, под плакатом, прямо на асфальте, лежало нечто, отдалённо напоминающее человека. Рядом с ним в луже валялось несколько помятых «бич-пакетов» (лапша быстрого приготовления). Бомж непрерывно вёл сам с собой столь занимательный диспут, что даже погодные катаклизмы не отвлекали его от философской дискуссии.

По совету подруги из телевизора я надела свой экстравагантный наряд. Но модная, жутко дорогая футболка была явно не по погоде легка, да и зонтик я в спешке позабыла прихватить. Теперь с грустью наблюдала, как обвисают, превращаясь в мокрые сосульки, мои локоны. Хотя, по словам всё той же теледивы, сейчас мода – чем хуже, тем лучше. Я ощутило продрогла и, так как спросить было больше не у кого, осторожно поинтересовалась у бродяги, кивая на подъезжающий автобус:

– Скажите, пожалуйста, я на этом автобусе до «Европы» доеду?

– Нет, только до Азии! – Сердито буркнуло одутловатое лицо без определённого места жительства. Он, оказывается, ещё не растерял чувство юмора!

Мне вдруг так захотелось уехать отсюда далеко-далеко, в другую жизнь. Подошедший транспорт, как ледокол, прорезал дождь, который припустил стеной. Казалось, что большой и надёжный корабль уносит в какие-то неведомые страны, где всё по-другому, навстречу мечте, возбуждая неясные надежды на необыкновенные, но обязательно восхитительно крутые перемены. От нервного напряжения меня начинало потряхивать, и я не чувствовала ни холода, ни дождя. Когда Китикэт вела меня подземными тоннелями, о наличии которых под зданием шоу-центра я даже не могла предполагать, у меня уже зуб на зуб не попадал.

– Слушай, Кити, а что если у меня ничего не получится? Вдруг от волнения не снизойдёт? Не откроется дверь в информационное поле... И всё!!!

– Ой, я вас умоляю! У тебя сейчас самая лёгкая задача – блеснуть чешуёй. Мели Емеля – твоя неделя. Знаешь, есть такая профессия – Родину смешить! А ты попробуй-ка через охрану пролезть, да ещё балласт с собой пронести – тебя, коматозную, – вот где настоящее искусство лицедея! Если дверь не откроется – пинком её – и подключай интуицию. А интуиция у нас что? Это способность головы чують жопой. А этого добра у нас навалом, – с этими словами Китикэт

задерно шлепнула меня по заду, что подействовало несколько ободряюще, но следующая фраза обдала жаром. – Всё, пришли!

У ничем не примечательной двери переминалась сплочённая единой целью группа в возбуждённо выжидательной позиции. Миловидный молодой человек, среди ожидающих аудитории, показался мне знакомым. Он держал одну пушистую бардовую розу на длинном стебле, и руки его чуть заметно дрожали. Китикэт постучала шифром, выбивая незамысловатую мелодию. «Царские врата» отворились, внутрь запустили только нас.

Ноги моментально потеряли чувствительность. От обрушившегося звенящего волнения заложило уши, и голос я, наверное, тоже потеряла. Если бы Китикэт не дёрнула меня за руку, я б так и осталась маячить в полубоморочном состоянии, не в силах переступить порог.

В комнате, залитой ярким светом, начинался другой мир. Я словно взошла на трап инопланетного корабля – мне предстояло вступить в контакт с представителем внеземной цивилизации.

На фоне огромного зеркального прямоугольника с опоясывающими его по периметру гирляндами ламп в кресле спиной к нам сидел ШАФРАН!!! Даже со спины я узнала бы его из миллиона. Только у него могли быть такие красивые мужественные плечи и такие блестящие каштановые кудри, спадающие ниже лопаток. В углу комнаты стояли коробки, наполненные пустыми флаконами от парфюма. Я же читала в каком-то глянцево-м издании, что перед концертами Шафрана зал опрыскивают духами для создания соответствующего настроения. Ещё подумала – поди брешут!

Большой стол у окна, гримёрные столики, подоконники и даже некоторые стулья были завалены косметикой и апельсинами в различной степени переработки: целые, получищенные, в виде кожуры, в консистенции свежесжатого сока, а также бутылированного покупного нектара. Видимо, на случай, если всех этих запасов все-таки не хватит для удовлетворения бешеного апельсинового голодания Звезды. В атмосфере стоял столь стойкий цитрусовый запах, что распознать аромат вылитого в зал одеколона не представлялось возможным.

Так же в комнате находились два юрких помощника и уже известный ди-джей Финик, коему я и была обязана теперь этим невероятным счастьем. Он же первым отреагировал на наше появление:

– Лёва, вот та, о ком я вам говорил. Её привезли специально для вас. (Меня, оказывается ещё и везли (!) – будто я не мокла целый час на остановке в компании остроумного люмпена) Познакомьтесь, это... – Финик вытаращил глаза на Китикэт. Его выразительный взгляд взывал: «Ну, подскажи, сволочь такая, не помню я, как эту тёлку зовут». Но Кити мстительно взирала сквозь собеседника, бессовестно и даже как-то блаженно улыбалась, будто всю жизнь только и ждала момента, чтоб подставить сотоварища.

Пауза затянулась на несколько томительно длинных минут, в течение которых Шафран продолжал так же буднично новодить марафет, что-то подштукатуривая на своём лице, как будто ему ничего и не говорили вовсе. Но затем герой девичих грёз медленно повернулся на сиденье и начал вставать – именно начал... так как этот процесс занял гораздо больше времени, отпущенного природой, в обыденном понимании. Венценосный повелитель грёз медленно рос к потолку, словно взлетая. Это потом уже, когда артист вышел на сцену, я увидела, что он обут в сапоги на толстенной платформе и каблуках, зашкаливающих по высоте все разумные пределы.

Я не осознавала в том момент, где я нахожусь, во что одет мой кумир (что-то лаковое и поблёскивающее), и вообще – во сне или на яву. На меня сверху, казалось, с самых небес смотрели его невероятно красивые глаза. Огромные, карие, влажные, словно плавающие в голубоватом молоке, сливы. «Ресницы пушистые и нереально длинные. Веки ярко подведены, почти как у Летучей Мыши! И вообще, зачем такой внушительный слой грима?»

– Приятно познакомиться, Лев Шафран, – он пожал мою ладонь одними лишь тонкими длинными пальцами. Они были нежные и прохладные. На какую-то долю секунды я, как и несчастный ди-джей, тоже запомнила своё имя, но, постепенно приходя в себя, не в силах оторвать взгляда от блестящих библейских глаз, пролепетала:

– Светлана. Здравствуйте, – в горле застрял сухой ком, все слова, которые положено говорить при встрече с предметом обожания, куда-то улетучились. И я сама показалась себе такой нелепой, провинциальной, жалкой и смешной, как драный помоечный котейка, что примазывается в родственники к царственному тигру.

– На первом ряду оставлены места. Посмотрите концерт. После выступления очень жду вас у себя. Надеюсь, нам удастся побеседовать.

– Ясен Арафат! Будем! Свято верю, что и мне удастся урвать несколько драгоценных минут времени, чтоб прославить в веках имя Шафрана по местному телевидению, из коего я послана со спецзаданием – увидеть короля эстрады и донести до страждущего зрителя несколько звёздных слов о нашем городе? – перебила его плавную тягучую речь своей тарбарщиной Китикэт. На что Шафран, каменя лицом, холодно смазал:

– Конечно... если будет время.

Выйдя их покоев порфиросной особы, мы столкнулись с нацеленными на нас взглядами тяжёлыми, как орудия пролетариата. Нырнув в темноту закулисья, пошли по святящимся стрелочкам на полу, что указывали направление, наверное, в страну чудес. Но фосфорирующие стрелки указывали в темноте выход на сцену.

– Тормозни. Потусуйся малёха. Я мухой, – сообщила внезапная и непредсказуемая Китикэт и так же внезапно и непредсказуемо растворилась в тёмном жутковатом чреве шоу-бизнеса. Я осталась вдыхать золотую пыль, вздымаемую баловнями Парнаса, с интересом шурясь на ярко освещённую сцену. Оказывается, прожекторы рампы слепят так сильно, что зрительный зал почти не виден, а только ощутим как живая колышущаяся масса, поэтому выступать на эстраде не страшно – можно представить, что стоишь на берегу моря, и никто тебя не видит.

Мои удивительные наблюдения прервал тихий вкрадчивый шепот:

– Добрый вечер. Вы меня не узнали? Мы учимся вместе в академии культуры. Только я по специальности «актёр музыкального театра». Евгений Соловейчик. Вы меня ещё приглашали в вашу группу, подпеть на курсовой постановке. Помните?

Передо мной стоял тот, приглянувшийся мне парнишка, с длинной розой в нервных руках. Да, конечно, теперь я вспомнила его. Он учился на два курса младше, но был довольно популярен в нашем «кульке» из-за волшебного хрустально-чистого голоса, совершенно робертинового звучания. Его фамилия удивительным образом соответствовала прозвищу или наоборот. Только иногда к этой фамильной кличке добавлялся эпитет – фанатичный, либо Соловейчик-рецидивист, потому как парень полностью был подчинён сверхидеи – петь, петь, петь. Ни на одно приглашение украсить мероприятие пением он не ответил отказом. Причём это могли быть как большие ответственные концерты, так и просто студенческие посиделки в общаге. Сейчас он стоял передо мной необычайно взволнованный и торжественный, в костюме при галстук и в длинном светлом плаще, теребя колючий стебель, будто робкий жених-бессеребренник, явившийся просить руки девушки у её надменных родителей-олигархов.

– Пожалуйста, помогите мне. Я отважился лезть в глаза Шафрану. Потому что от него может зависеть вся моя жизнь. Я знаю, что он член приёмной комиссии в московском училище при консерватории. Я хотел показаться ему, просить совета. Понимаете для меня это очень, **ОЧЕНЬ** важно. Вы ведь вхожи в этот круг? Да?.. Умоляю, не откажите! Если только будет возможно... представьте меня Льву Валентиновичу.

Я была поражена, но не столько целеустремлённой решимостью Соловейчика, сколько тем, что даже я, отслеживающая каждый шаг своего эстрадного любимчика, не знала таких подробностей – Шафран журит в приёмной комиссии, да ещё он, оказывается, Валентинович.

– Ну, я постараюсь... Н-не знаю, конечно, кка-ак... – замямила я, готовая расплавиться под палящим мольбой и надеждой взглядом.

Наш обоюдоконфузный диалог прервало явление вселенского масштаба. В нескольких метрах от нас из голубого тумана выткалась фигура Шафрана. Мы замолчали, подавившись словами. И как заворожённые смотрели на призрак оперы. Шафран Валентинович стоял в густой чёрной тени кулис, на самой кромке света и тьмы, готовясь окунуться в океан ярких лучей и всеобщего обожания. Со всех сторон полилась музыка, вполне сгодившаяся бы в качестве фонограммы для хора ангелов.

Вдруг Шафран, не видя нас, затерянных в полупрозрачных занавесях, привычно перекрестился, отточено заученным движением, как умеют только нищенствующие старушонки, что с заутрени до обедни обсиживают ступени храма. Затем трижды краткими выстрелами поцеловав кулон, Шафран приложил его на несколько секунд ко лбу. Мы с Соловейчиком смущённо потупились, будто случайно стали свидетелями некой крайне интимной сцены. Чтоб сгладить неловкую паузу, я уверенно и ободряюще шепнула на ухо юноши:

– Я сделаю все, что в моих силах. Обещаю.

Тем временем певец раскинул руки в стороны, как большая красивая птица свои большие красивые крылья. И полетел в свет...

– Эй! Ты чего тут весь концерт решила проторчать? Так вся жисть мимо пройдёт, – как чёртик из коробочки выскочила Китикэт, – Пошли скорее!

В течение представления я старалась сосредоточиться на ощущении счастья от нереальности происходящего и неотвратимо приближающейся сказки. Но меня почему-то бил мандраж, а в мыслях всё время всплывали огромные глаза Соловейчика, полные стоящих в них, но героически сдерживаемых слёз. Вот кому уж действительно было необходимо знакомство с заезжей звездой и протекция. Ведь, как известно область искусства в нашей стране – царство необъективности и беззакония, где пробивные бездари непременно оказываются на коне, посвящая всю зловредную жизнь делу отмщения за свою бездарность. К чему мне-то было так уж рваться в светлейшие покои?

Но всё же, когда к моему Шафрану на сцену лезли девки с цветами, внутри начинал нервно вошкаться омерзительный сколький ревнивый червячок-эгоист: «Ишь, попёрли! Малолетки тупорылые. Все до противности длиннющие да костлявые! И непременно к нему целоваться лезут. Но только я знаю, каким слоём у него грим наложен, и могу заранее сказать, как вы склеитесь сейчас щеками. Аж чвакнет, отлепляясь! Дурры! Ну, ничего, мы-то с ним сейчас будем иметь рандеву, и ещё неизвестно, до чего договоримся, мож всю жизнь будем душа в душу... А вы верещите под сценой, мочите слезьми подушки. Куда вам всем до меня?!»

Репертуар Шафрана я знала наизусть и ничего нового в музыкальном смысле для себя не открыла, кроме, пожалуй, того, что в записи он звучал гораздо лучше. Перед глазами маячил умильный, но прозаический визуальный ряд: звездун постоянно потел, запыхавшись, не поспевая за танцевальной группой, путал движения, забывал и переставлял слова песен, которые зал знал лучше его. В выступление вмешивался объективный жизненный фактор: перед нами, как ни крути, не божественный златокудрый Аполлон, а живой человек. Увы, не такой уже молодой, с одышкой, каким-то своим настроением, ошибками, усталостью, и, может даже, расстройством пищеварения. Но от этого «серебряный голос страны» становился ещё роднее, ближе и любимее.

После концерта у входа в царские апартаменты на этот раз, невидимые в прошлое посещение, дежурили два амбала со строгими лицами. Толпа у непреступных дверей увеличилась в десятки раз и напоминала теперь растревоженный улей. Причём, все пчёлы служили репортёрами и настроены были весьма воинственно:

– Слышали, он отказался общаться с прессой.

– Да где это видано?! Ну, никогда ж такого не бывало!

– Это чего выходит, мы с камерами зря тут ошивались?
– Узнать бы кто купил интервью.
– Да частный издатель какой-нибудь... мало ли у нас крысятников...
– До последнего будем караулить.
– Шас погоди, его директор выйдет – всех попрёт. Он же сразу сказал, никаких записей не будет, у Льва Валентиновича важная встреча.

Внутри сердитой пчелиной семейки, зажёванный возбуждённой толпой стоял один спокойно сосредоточенный человек с живым фанатичным взглядом – Соловейчик. Он стоял – верил в меня, в Шафрана и ждал.

После часа томительного ожидания, к страждущим вышел седой человек с лицом прожжёного карточного шулера. Одним еле заметным кивком в мою сторону, повелел охране пропустить только меня. Гигантские волны ненависти и зависти выплеснули меня в другую жизнь.

От беспорядка в комнате не осталось и следа. Исчез ярмарочный ворох костюмов, от горы апельсинов остался лишь едва уловимый тонкий свежий аромат. Яркий свет заменила одна тлеющая настольная лампа. Цветы без разборки были поставлены по нескольким вёдрам. На гримёрном столике сидели, подаренные поклонницами мягкие игрушки, остывал чай в большом бокале. На диване обмякший, расслабленный полулежал Шафран и нежно теребил свой амулет на толстой цепочке. Поблётший, ставший обыкновенным, будничным, как сосед из квартиры напротив:

– Пожалуйста, проходите. Я не мог дожидаться момента, когда мы останемся одни.

Седовласый пронзил меня насквозь взглядом опытного каталы, еле сдерживая усмешку, молча удалился, бесшумно прикрыв за собой дверь. Я осторожно присела на край диванчика. Мы оказались совсем рядом, как давние друзья.

– Вам что-то нужно, чтобы начать сеанс немедленно? Хотите чаю? Элитный...

– Нет, спасибо. Я так попробую. Вы не левша?

– Нет, я обыкновенный.

– Тогда сначала левую руку – на ней – что судьбой записано. А на правой то, что вам удалось изменить своей волей, действием в течение жизни.

Я взяла его холёную ладонь, теперь она была тёплой, близкой, родной и совсем не звёздной. Дверь в информационное поле не нужно было открывать пинком. Она распахнулась сразу. И я увидела напуганного страдающего человека, от которого все чего-то хотят, а он никому не может ничего дать, он даже своей жизнью не управляет. Такая же марионетка, и все нити тянутся вверх. И ещё бесконечные переезды, круговерть лиц, городов, поездов и на этом фоне – страдания, страдания, страдания живого безответно любящего сердца...

Я говорила ему, говорила обо всем, что вижу: трудоголизм и затюканное детство, наличие глупых фобий и даже то, что его огромная, как небо, неразделённая любовь одного с ним пола. Не утаивая ни малейшей подробности, даже то, что ему так и не ответят взаимностью. Узнать о том, что его используют, но не любят, было бы для него слишком жестоко. Шафран впивался в меня своими проникновенно-грустными, всё понимающими глазами. Будто пил и не мог напиться:

– Да, вы правы. Всё так. Всё так. Но что же мне делать? Он собирается жениться, я в отчаянии!!!

С какой лёгкостью в этот момент я могла бы поддеть на самый элементарный знахарский крючок незащитного в своей обнажённости, полностью доверившегося мне человека. Воспользуйся! И звёздный олух твой на веки вечные! – шептал всё тот же омерзительный, скользкий, эгоистичный червь, что раздувался теперь до размеров удава, мечтающего проглотить слона.

Ну, ты же знаешь, что сейчас нужно говорить Шафрану: «Случай непростой, много сил сопротивляется вашему совместному счастью. Возлюбленного вашего приворожила коварная

женщина. Но помочь можно. И я готова в первое же полнолуние приступить к лечению». А дальше хоть верёвки вей. Беспроигрышный вариант. Шафран впился в своего избранника по полной, в той же степени он будет нуждаться в тебе. Поначалу изредка наезжать на сеансы. После твоих советов, конечно же, появятся положительные изменения в отношениях. И дело пойдёт. Влюблённые ведь до того глупы, что принимают желаемое за действительное. Знаменитость в твоих руках. Ты можешь подбить его на что угодно. Разводить лоха на деньги бесконечно, стать лучшим, незаменимым другом и советчиком, даже руководителем. Недаром так откровенно подозрительно на тебя поглядывал его ушлый директор. Вы сможете жить в одной квартире. Он может запросто жениться на тебе для возбуждения прилива новых чувств у предмета страсти на основе самого беспроигрышного раздражителя – ревности. И ты с лёгкостью будешь вертеть им бесконечно...

Подожди! Вдруг возопил, как белый медведь в жару, светлый духовный оппонент хитроумного шептуна. Что ты делаешь? Неужели тебе не жаль этого милого, так искренне, отчаянно влюблённого человека, а ведь ты всегда называла его своим любимым певцом. Подумай, доставит ли тебе удовольствие обманывать и помыкать? А совместная жизнь... ты только представь на минутку...

На людях вечный визуальный раздражитель – предмет всеобщей жгучей бабской зависти. В постели – бесчувственный манекен, только внешне похожий на живого человека. А так же дружелюбный, но негибачаемый товарищ (и ничего больше!) при свете дня. Вскоре ты начнёшь его ненавидеть... и мстить. Жить невыносимо. Ты же это понимаешь? Насильно мил не будешь. Невозможно заставить любить, желать, дорожить... Как заслужить любовь? Стать его хорошей привычкой? Смиренно нести с собой по жизни горький ком осознанной нелюбви страстно желанного человека... и постепенно превращаться в развалину, ведь горькое это знание будет медленно, но верно разрушать изнутри... У вас нет совместного будущего, но у каждого по отдельности оно прекрасно!

Вдруг в голове отчётливо всплыл знакомый до боли образ Павлика с его неизменными прогулками в парке каждую субботу, ежедневными супчиками и воскресным рыбным пирогом, завтраками-ужинами, где он и сыра сверху натрёт на мелкой тёрочке, и зелёный листик петрушки приладит на каплю красного кетчупа. «У нас с женой – разделение труда. Я готовлю, она ест, я мою посуду!» И радостный такой...

Вот и сейчас в моих мыслях он пылесосил, старался, сопел. Молодой ещё совсем, а брюшко уже отчётливо наметилось, и лысинка ранняя потихоньку пробивается. И чего, скажите на милость, ковёр елозить каждый день? Неужели поинтереснее занятия найти нельзя?

Хочешь так же? Давай грузи знаменитые уши. Он готов. Впился в тебя, не дыша. Будешь ему пожизненным Павликом, соратником по партии, другом и братом... но звездой пленительного счастья – никогда! Мне вдруг так стало горько и обидно за себя и за моего брошенного, не заслуженно обиженного, но такого родного и самого хорошего на свете Павлика. Я набрала побольше воздуха в лёгкие и решила сказать моему дорогому клиенту горькую правду о его самом животрепещущем вопросе. Как в омут с головой:

– Невозможно заставить любить, желать, дорожить... Как заслужить любовь? Стать хорошей привычкой? Смиренно нести с собой по жизни горький ком осознанной нелюбви страстно желанного человека... и постепенно превращаться в развалину, ведь горькое это знание будет медленно, но верно разрушать изнутри... Вскоре вы начнёте его ненавидеть... и мстить. Жить невыносимо. Насильно мил не будешь. У вас нет совместного будущего, но у каждого по отдельности оно прекрасно!

– *Без божества,*

Без вдохновенья,

Без слёз, без жизни, без любви...

Сплагиаздил у кого-то, не помню...

Он посмотрел безумными, полными боли глазами Ивана Грозного, только что убившего своего сына, точь-в-точь как с картины Сурикова:

– *Я вам так признателен! Спасибо вам огромное от всего сердца, я никогда не забуду вас... Как я могу отблагодарить?*

– Там в коридоре стоит чудесный, талантливый мальчик. У него необыкновенно чистый голос! Поверьте – сама слышала. Он очень нуждается в вашей помощи. Пожалуйста, помогите ему!

– *Ну, что ж... Таланту нужно помогать, бездарности пробьются сами!*

На выходе из концертного зала, меня догнала раскрасневшаяся Китикэт. Бесцеремонно сунув руку мне в карман, вынула оттуда громоздкий мобильник. Когда она успела его подсунуть, ума не приложу?

– Светик, я у тебя чуть не забыла свой дражайший аппарат. Мерси за аренду хранилища! Ну, давай, пока-пока! – Кити как-то слишком поспешно растворилась в вечерних сумерках. «Даже не поинтересовалась, о чём мы говорили с Шафраном! – намерилась я оскорбиться, да передумала, – Ну, что с неё взять. Прыгает, как стрекоза. Одним словом журналюшка!»

Дождь припустил с каким-то отчаянным остервенением. Выйдя на родной остановке с наркозависимым бедолагой на плакате, я укрылась от хлёткого ливня в маленьком круглосучном магазинчике, что служил пожизненной выручалочкой, всем кому не хватило. Бомж-сатирик перебрался в укрытие. И тихо посиживал в углу на полу.

Несмотря на отвратительную погоду, на душе у меня было как-то удивительно легко и радостно. Но к радости примешивалось неясное предчувствие новой нежной и обязательно счастливой любви. Нервное напряжение ещё до конца не оставляло, и жутко хотелось курить:

– Девушка, дайте мне сигареты супер лёгкие, пожалуйста.

– Деушшк, а мне водку супер-печень, пожалсста, – моментально в тон мне отреагировал из-под полы юморной бродяга. Мы все дружно прыснули смехом.

Дома я подробно рассказала Павлику свою невероятную эпопею. Он слушал меня очень внимательно, впившись преданными щенячьими глазами. И роднее, ближе нас не было никого в целом мире. А следующим вечером по телевизору в Катькиной программе, на фоне видеоряда со знакомого концерта услышали следующее:

– Мы идём по коридорам шикарного нового шоу-центра. Эксклюзивное интервью, только для зрителей нашей программы, любезно согласился дать супер-популярный певец, серебряный голос страны – Лев Шафран! Здравствуйте, можно пройти?

– *Пожалуйста, проходите. Я не мог дожждаться момента, когда мы останемся одни.*

– Мы начинаем сеанс аудиосвязи из гримёрки самого Шафрана, только что давшего единственный концерт в нашем городе. Лев Валентинович, вы готовы?

– *Вам что-то нужно, чтобы начать сеанс немедленно?*

– Только ваше драгоценное внимание! Мы читали в прессе о недавнем алкогольном скандале в гостинице в столице Латвии. Как вы относитесь к спиртным напиткам? Что можете порекомендовать нашим телезрителям?

– *Хотите чаю?*

– Понятно. Как вы оцениваете концертную площадку, предоставленную вам, и наш шоу-центр «Европа» в целом?

– *Элитный...*

– Как вы можете прокомментировать свою работу в новом концертном туре? Вам рукоплещет вся страна. Вы какой-то необыкновенный волшебник?

– *Нет, я обыкновенный.*

– Скажите, почему вы согласились на встречу только со мной и готовы говорить только с программой «Экспресс»? Неужели это правда, что вы смотрите нашу программу и высоко цените её формат, молодёжную направленность и свободный стиль ведения?

– *Да вы правы. Всё так. Всё так.*

– Верны ли слухи, что бас-гитарист вашей группы неожиданно покинул вас накануне масштабных гастролей? И вы в порыве гнева даже приложили руку? Да так, что он вынужден был обратиться в правоохранительные органы?

– *Но что же мне делать? Он собирается жениться, я в отчаянии!!!*

– Как вы оцениваете творчество вашего вечного оппонента – эксцентричного певца Олехандра? Что движет им, когда он копирует вашу манеру поведения на сцене, гардероб, берёт песни из вашего репертуара?

– *Без божества,*

Без вдохновенья,

Без слёз, без жизни, без любви...

– Вы как-то реагируете на подобные происки со стороны коллег по цеху? Мы слышали, что вы обратились за помощью к известным столичным адвокатам?

– *Ну, что ж... Таланту нужно помогать, бездарности пробьются сами!*

– Как вы объясните появление в вашем репертуаре песни «Атласное сердце», чья мелодия полностью копирует известный западный хит?

– *Сплагиаздил у кого-то, не помню...*

– Мы составили рейтинг среди телезрителей нашей программы, исходя из которого ваша песня «Атласное сердце» лидирует всю первую декаду месяца!

– *Спасибо вам огромное от всего сердца...*

– Лев Шафран дарит нам своё пылающее «атласное» сердце! У вас очень плотный гастрольный график. Скажите, наш город чем-то запомнится?

– *Я никогда не забуду вас...*

– Да! Действительно сегодня Шоу-центр «Европа» был переполнен. Давно эти стены не видели такого аншлага. Зрители кричали: «Браво!» и, несмотря на высокую цену билетов, ушли с концерта с отличным настроением!

– *Я вам так признателен!*

– А на протяжении всего пребывания Шафрана в нашем городе рядом со звездой первой величины была программа «Экспресс» и я, ваша Кити.

– *Как я могу отблагодарить?*

– Ну, конечно же, исполнением хита нынешнего сезона! В завершении репортажа послушайте музыкальный подарок – лидер хит-парада «Атласное сердце» от Шафрана для всех телезрителей программы «Экспресс». С вами была Кити и лучезарный Шафран!!! Оставайтесь с нами.

Я остолбенела... Так вот значит, Кити подбросила мне в карман включенный диктофон! Ну, и стерва! Далеко пойдёт. Таким карьера в шоу-бизнесе точно обеспечена. Всех обошла! И меня в том числе, и Шафрана заодно размазала... А меня-то как подставила, это выходит я Шафрана на весь свет ославил, обманула!!! Кошмар!

Меня бросило в жар, и я не находила себе места. Успокоил меня непробиваемо уравновешенный Павлик в своей неподражаемой меланхоличной манере:

– Хорошо ещё, что эта пронира ваш гадательный диалог не пустила в эфир, как есть. А ведь могла бы!

Но следующий сюжет программы «Экспресс» оказался не менее травматичным для моей надорванной психики. В нём всё та же беспардонная Кити нагоняла туману и мистического ужаса в связи с присутствием в наших краях международной БЕСовской команды экстрасенсов. Но в сюжете народ с закрытого семинара демонстративно отворачивался от камеры, никто

не хотел разговаривать с ней, охрана вежливо, но твёрдо указывала на дверь. Всеобщее нежелание огласки возбуждало в Кити жгучее и злобное любопытство. Она вертелась вокруг профилактория, фонтанируя дикими предположениями о том, что вероятно за этими ободранными стенами рядового учреждения творятся невиданные оргии с человеческими жертвоприношениями.

Наконец фантазёрке повезло: зрители программы увидели ещё один персонаж кроме намозолившей глаза корреспондентки. Юноша с фигурой недокормленного сироты старательно забивал кузов внедорожника объёмными круглыми, словно от свадебных тортов коробками, из которых то и дело пикантно выглядывали кружева и длинные перья.

Несмотря на то, что картинка противоречила образу, запечатлённому в памяти, грациозные кошачьи движения не оставляли места сомнениям – это Летучая Мышь!!! Без грима, при безжалостном свете дня мой загадочный партнёр оказался не феерическим страстным Демоном, а щуплым страшеньким аборигеном китайского рынка с тонкими кривыми ножонками в стоптанных сланцах. Он не прятал глаз от камеры, как другие участники магического семинара, а отважно с вызовом глядел на зрителей программы «Экспресс», широко щерился, демонстрируя миру хитрую и одновременно злую улыбку китайского мандарина.

После этих невероятных стремительных событий прошёл насыщенный и щедрый на крутые повороты год. Какими смешными и нелепыми кажутся теперь с высоты нынешних изменений те дни, потрясшие когда-то меня своей нереальной сказочной романтикой.

Сегодня получила по электронной почте два письма. Одно из Новой Зеландии от Капы. Подруга снова жаловалась на скуку, отсутствие полноценного общения, на тупых занудных соседей, на бюрократическую волокиту с документами, на ненавистного старого и скупого супруга – клона актёра Семёна Фарады, на бессонницу, на дороговизну фарфоровых зубов и на бессмысленность существования.

Второе письмо было коротким, посланным с ноутбука Женькой Соловейчиком, застрявшим в каком-то тьмутараканском аэропорту. Он мотался с одних гастролей на другие, работая на разогреве у Шафрана. Упёртый парень пошёл покорять столицу. Лев Валентинович в ту пору нежился в тёплых водах Чёрного моря и, конечно, не вспомнил о том, что обещал юному дарованию посодействовать на вступительных экзаменах. К счастью, злополучную телепередачу он также не удостоил своим великосветским вниманием. А фанатичный Соловейчик, свято веруя в силу звёздного слова, взял, да и поступил-таки в вожделенную гнесинку.

Пообтесался в стальной, поголодал, помыл по ночам посуду в Макдональдсе, научился без стеснения лезть в глаза, расхваливая свои достоинства, потрясая великосветскими знакомствами. Это уж потом Шафран Великолепный соизволил пригласить парнишку на подпевки по настоящему совету уважаемого педагога по вокалу. Вот и подрабатывает теперь Женька на каникулах, внедряется в артистическую среду.

А у нас с Павликом родился любимый сын Лёвушка. Вот он сейчас наелся и лежит, тихонько покряхтывает от удовольствия. Но если проголодается, то может завопить на такой высокой ноте, что невольно приходит на ум его тёзка, мой добрый знакомый – ранимый и забывчивый популярный супер-голос страны, король всея попсы. Ну, а самое главное, Павлик мой сейчас такой счастливый... лучший в мире папа и муж!!!

Изысканный бродит Жерар...

рассказ

*Поэту Евгению Тангейзеру,
так рано и трагически ушедшему...*

*Ты плачешь? Послушай...
далёко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф
Николай Гумилёв*

Не помню, когда я впервые увидела Жерара? Даже если настойчиво перебирать в уме события десятилетней давности, не вспомню, увы...

Его образ живой ароматной дымкой незаметно вполз в нашу жизнь и, перемешавшись с воздухом, стал частью общей атмосферы. Скорее всего, это произошло на какой-нибудь из окололитературных тусовок.

Удивительно, но по прошествии многих лет представляю Жерара с такой обострённой точностью, что звучит в голове его ломкий подростковый голос. Тихо и медленно, словно пробуя на вкус каждое слово, Жерар упивается своими стихам, как тогда, в дикой, трудной и полной надежд молодости...

На собраниях «Поэтического кафе» Жерар слыл законченным пижоном и самовлюблённым выпендрёжником. Все, конечно же, прекрасно знали, что никакой он не Жерар, а попросту Женька. Да и сами графоманские мистерии происходили вовсе не в кафе, а в читальном зале городской муниципальной библиотеки № 4 с попустительства пышногрудой директрисы, тайно пописывающей слёзные вирши.

Сообщество возомнивших себя писателями чётко делилось на два непримиримых лагеря.

1. Старая гвардия сталинской закалки, что выйдя на заслуженный отдых и случайно зарифмовав два глагола «пытать – страдать», вдруг открыла в себе невероятные, дремавшие доселе литературные таланты. Привычные к тяжкому труду ветераны принялась по-стахановски, не щадя живота своего, тоннами фанатично бурить поэтическую руду.

Пенсионеры активно напрягали общественное терпение беспомощными с поэтической точки зрения, но остросоциальными по содержанию длиннющими одами на злобу дня, что читались непременно с величайшим пафосом. Практически каждая встреча кружка единомышленников была ознаменована презентацией вновь изданной тонкой брошюры, богато иллюстрированной фотографиями из семейного альбома автора.

2. Их оппоненты: малочисленная кучка желчных непризнанных гениев, едва вышедших из подросткового возраста, но уже ощутивших всю остроту суицидальных состояний на почве униженной социумом непомерной гордыни.

Вяло кучкующийся молодняк, тяготеющий к обособленному самоистязанию, стойко держал оборону против воинствующего дилетантизма, вооружившись багажом гуманитарных знаний, непонятным богемным сленгом и надменно-презрительным отношением к миру. Позднее, устав противостоять ретроградной косности и облегчённо вздохнув, молодое поколение массово мигрировало в обе столицы нашей Родины. Покинув провинцию, вчерашние дети вставали на взрослый денежный путь, не вспоминая более о проказах словоблудия.

Изысканный Жерар не вписывался ни в одну из группировок. Во-первых, ему было уже за тридцать, но на вид он вовсе не имел возраста, а навсегда застыл в категории «молодой человек». Для старшей возрастной категории он был слишком начитан, а от молодёжной тусовки выгодно отличался общительностью и дружелюбностью. Хотя Жерар пребывал в том деятельном возрасте, в каком никто, кроме законченных гуманитариев, не вспоминает о высокой поэзии. Тем более в годину голодных бунтов, когда шахтёры колотили касками о рельсы, а «скованное одной цепью» население было «связанно одной целью» – выжить!

То памятное лихолетие ознаменовалось соревнованием в длительности невыплаты зарплат. Частенько звучали такие диалоги:

– Да нам полгода на работе денег не платят!

– Ну, прям удивил, а мы скоро год на дядю работаем...

Какие уж тут стихи...

А у Жерара замшевый пиджак с вышитым на лацкане гербом одного из элитарных клубов Великобритании.

Местные рифмоплёты гуртом на Пушкина молятся, а этот отщепенец всё каких-то Бальмонтов цитирует... как-то всё это не по-товарищески!

Курильщики, озверевшие от никотинового голода, израсходовав талоны на сигареты «Астра», учатся крутить козы ножки с купленной на базаре махрой. А Жерарчик томно мнёт в музыкальных, унизанных кольцами пальцев янтарный мундштук с невероятно длинной и тонкой сигареткой непривычного кофейного цвета. Пыхнув пару раз мятым дымком, хозяин волшебной курительной палочки укладывает её в старинный портсигар...

Очумелым от нездешнего блеска, убогим зрителям «театра одного актёра» и в голову не могло прийти, что, откинувшись с зоны год назад, Жерарчик живёт на пенсию старенькой мамы, сигарету выклянчил у иностранца на улице и курит её уже несколько месяцев только при большом скоплении публики. Главное – хорошенько блеснуть чешуёй!

Настоящей гордостью Жерарчика было его часто, громко и неуместно пропагандируемое сходство с молодым Пастернаком. И хоть сам Пастернак немало бы удивился столь смелому заявлению, некоторые черты были явно общими, но больше смахивали на карикатуру, чем на отражение.

Жерарчик всеми силами пытался создать имидж утончённого принца, что слишком не соответствовало бычьему нраву времени девяностых. Всё в нём было чересчур: лицо слишком узкое и смуглое, профиль слишком горбонос, тёмные кудри слишком длинные, слишком начитан, манерен, рафинирован – весь на изломе, нервный, восприимчивый – с неба упал...

Идеалом мужской красоты тех недалёких, но старательно забытых лет, был brutальный лысый качёк в малиновом пиджаке с золотой цепью на шее (и то, и другое – бычье), вместо мозгов – гиря. Кстати, они у нас вот такие – самоуверенные – до сих пор весьма востребованы, только авто стали круче, пиджаки от кутюр, а вместо мозгов – всё та же гиря.

Жерарчик числился изгоем не только в среднестатистической компании, но и в стане собратьев по перу. Самое возмутительное, чего никак не могли ему простить, то, что гнусный отщепенец был явно талантлив и, несмотря на потоки желчной критики, продолжал активно фонтанировать стихами.

Особенно оскорбительным для социума стало частое издание творений психа-одиночки в периодической печати, а так же в единственном и оттого самом уважаемом литературном журнале нашего города. И это в то самое время, когда другие, несомненно, более достойные и заслуженные люди, вынуждены отказывать себе во всём и годами копить пенсию на типографские расходы.

Читать свои распевные стихи, грассируя, чуть заметно покачиваясь в такт, словно упиваясь полётом, Жерарчик мог бесконечно, влюблённо, любому встречному на улице.

Однажды ночью, удачно разродившись новым произведением и не найдя свободных ушей, он позвонил в приёмный покой больницы. С подкупающей детской наивностью без обиняков сообщил, что только что написал гениальное стихотворение, а поделиться не с кем. Его, конечно, со всей прямотой тут же послали (в оздоровительных целях, как и положено мудрым служителям Гиппократов). Но Жерарчик поднапрягся, включив своё нездешнее обаяние на полную катушку.

Кончилось тем, что очарованные молодые врачихи прислали за ним машину скорой помощи, и поэтичный полуночник до утра развлекал их стихами и романтическими бреднями. Впоследствии Жерарчик сошёлся с одной из этих впечатлительных медичек, и они полгода снимали квартиру, естественно на её деньги.

Вообще-то заветную фразу: «Давай поженимся!» слышали от него почти все знакомые дамы (некоторые неоднократно). В устах Жерарчика это означало: «Позаботься обо мне, пожалуйста!» или «Можно я у тебя немного поживу? Я буду мягким и пушистым, а платить за всё будешь ты...»

Но сколько ни оттачивал Жерарчик в себе аристократизм, окружая собственную персону флёротом загадочности, всё же слухи о его судимости доползли до кругов пишущей братии. В нашем городе, где нет метро, сплетни мчат быстрее вагонов подземки. Поговаривали, что под судом Жерарчик побывал не единожды и сидел в общей сложности четырнадцать, а то и все шестнадцать лет.

Сногсшибательная новость имиджу «принца в изгнании», надо сказать, совсем не вредила, а наоборот, только добавляла трагизма одиозной фигуре. Ведь глядя на утончённые манеры рафинированного юноши, бесконечно цитирующего поэтов серебряного века, невозможно было даже предположить в нём зека-рецидивиста! А вот образ страдающего по ложному обвинению в кандалах перед эшафотом подходил Жерару как нельзя лучше. Тем более, что ни на какие провокационные вопросы местный граф Монтекристо не отвечал.

Хотя многое становилось объяснимо: эйфория жизнелюбия вернувшегося с войны, временно возвышенное отношение ко всем без исключения женщинам. И даже вечная повязка на левой руке, видимо, скрывала не шрамы от перерезанных на почве несчастной любви вен, а банальные лагерные татуировки, что не вязались с авторской трактовкой собственного образа.

Но всё же, главным даром Жерарчика была даже не поэзия, а необычайная психологическая гибкость – талант влезть под шкуру до уровня мимики. Он мог расположить к себе любого. Говоря с человеком, Жерар отчасти сам становился собеседником. Пойманный в сети визави неизменно попадал под чары и уж не уходил без платы. Всё шло в дело, Жерарчика угощали, привечали: там чашка кофе... тут денег в долг без отдачи... с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Видимо, многолетняя отсидка в местах заключения сказывалась – выжить любой ценой, приспособиться к любым условиям и людям. Из Жерарчика вышел бы отличный агент-вербовщик. Каждого, кто встречался на пути «разведчика», тот рассматривал с точки зрения: годен, или не годен в дело, и что с него можно поиметь: «Помоги-ка мне. Защити. Накорми. Да и вообще, чем ты можешь быть полезен? Дай-ка пощупаю тебя...»

Вербовал мягко, вкрадчиво, но не на вражескую разведку, а лишь с праведной целью обеспечить выживание собственного гения в агрессивной среде. Главное, чтобы у благодетеля возникало ощущение гордости от того, что помог он не простому попрошайке, а венценосному возлюбленному муз, поцелованному Создателем, а значит, совершил великое гуманное благодеяние во славу прогресса человечества.

Я, как существо низшего порядка, для великих гуманистических акций во имя спасения гения не годилась, так как была нищей училкой, матерью-одиночкой с ребёнком инвалидом на руках и старенькой бабушкой впридачу, да плюс ко всему ещё из армии конкурентов, пишущих в рифму, и, соответственно, жаждущих славы, денег и где-бы напечататься. Взять с меня было нечего, поэтому со мной у Жерарчика установились прохладные и (на всякий случай) доброжелательные отношения.

Мужское его обаяние на меня, увы, не действовало, и оттого, рассудил Жерар, обращаться ко мне можно запросто, как к давнему товарищу, без экивоков. Например, почему бы, идя мимо моего дома, не заскочить в гости:

– Привет, майн либэ кицен. Можно, я у тебя в туалет схожу, не дай случиться катастрофе. И ещё, плиииз, водички попить, в горле засуха! А у тебя ничего покушать нет? А то я сейчас упаду в голодный обморок. Умру – на твоей совести будет смерть молодого гениального поэта. Скажут: погиб поэт, невольник чести, а всё ты виновата. Слушай, займи копеечку, а то и не знаю, как до дома добираться буду... А?!

До этакой изнанки допускались немногие доверенные лица, ведь для широкой публики – надменная томность, перстень на мизинце, пространные размышления о куртуазном маньеризме.

Гораздо позднее, я приобрела в глазах Жерара несомненно большую ценность, став редактором отдела поэзии. Правда сие обстоятельство не остановило его на пути к туалету и холодильнику в моей квартире, но теперь это делалось под каким-либо благовидным предложением:

– Мон ами, прилетел на крыльях любви с тем лишь, чтобы поздравить тебя с Международным Днём объятий! Удели уан момент, послушай, какой я по этому поводу стих написал, – мягко воркует Жерарчик со сладчайшей улыбкой, заглядывая в глаза. Изображая детское смущение, протягивает веточку, сломленную у подъезда.

И неважно, что стихотворение вовсе не про объятия, я всё равно обнимаю его острые худые плечики, не сдерживая восторга от строк, наполненных светлой тоской и поэзией.

Однажды наивная и нежно любящая бабушка не в силах более наблюдать моё тотальное одиночество, осторожно поинтересовалась:

– Доча, а на твоей работе какие-никакие мужуки-то неженатые есть?

– Да в основном только они-то и есть – никакие. А что?

– Ну, а чего ты не окрутишь там кого?

– Бабушка, да ты о чём говоришь? Они ж писатели! – вскипела я, но бабуля в искреннем непонимании продолжала стоять на своём.

– Э-эх, ну в кого ты только кулёма такая полоротая? Баба твоя в молодости – огонь была! Нашла б себе там кого получче, да штоб в штанах, и то ладно. Вместе-то оно ведь всё полегче жизнь доживать. Смотри, доковыряисси – всех поразберут, и даже из писателей ни одного не останется!

– Да как ты не понимаешь, бабушка! Ну, ладно, раз говорить с тобой бесполезно. Скоро у меня День рождения, я тебе их всех, кто «получче», покажу. Вот кого для меня выберешь – с тем и закручу.

В условленный день я пригласила к себе потенциальных женихов на праздничное застолье. Явились все, у людей искусства особый нюх на дармовщину. Иной раз, кажется, стоит лишь тарелкой об стол постучать, сразу из воздуха появятся: ушлый журналист Мишаня, перманентно похмельный непризнанный гений Кочкин, парочка бардов – неразлучников Толик и Костик, и другие члены литературного актива.

Каждый подарил по своей книге с автографом, и лишь Жерарчик преподнёс необыкновенно изящную ассиметричную чайную чашечку тонкого китайского фарфора. Этот презент до сих пор стоит за стеклом серванта непопулярным, исключительно в декоративных целях.

Бабушка вышла к столу в самых сильных очках и принялась внимательно изучать претендентов. Судя по тому, как в течение вечера её губы всё крепче сжимались в скептической усмешке, смотрины не приносили желаемого результата. Когда же один из изрядно угостившихся вдруг затянул романс, не попадая ни в одну ноту, бабушка демонстративно встала и ушла в свою комнату. Нехарактерный для моей кроткой Золушки воинственный акт, остался незамеченным в общем творческом разгуле. Мне же теперь предстояло титаническими усилиями преодолеть архи-сложную проблему – выпроводить гостей...

Вердикт родительницы был коротким, но ёмким:

– Вот уж насмотрелась я, доча, на их. Нету мужука, и это не мужуки! Да лучше одной век вековать, чем с такими-то неприспособленными нянчиться.

Горький вывод о непригодности литературных деятелей к устройству семейного счастья строился на остро подмеченных бабушкой особенностях поведения:

– Да они навряд ли как сроду никогда не пили и не ели. Болтают, болтают. А про чё болтают? Про именинницу и не вспомнили, каждый всё только об себе, об себе... Правда, был один маленько на человека похожий, чернявенький такой, который тебе всё стихи рассказывал. Только уж шибко худой, еле живой, туберкулёзник, наверно. Да и то же – не жилец...

У Жерарчика была определённая стадия опьянения, что называлась – «допить до стихов», когда спадала его маска надменной экзальтации, а загадочное молчание сменял поток стихов собственного сочинения, густо перемешанных с классикой и авангардом. Мои посиделки не стали исключением, Жерарчик самозабвенно поплыл в поэтическом потоке, чем вновь наглядно противопоставил себя раздражённо жующей компании.

– Ишь, как одеяло-то на себя тянет, – желчно заметил критик Хануманов, захватив в единоличное пользование пузатую бутылку конька.

Как законченный алкоголик пьёт и не может остановиться, пока не померкнет последний луч в его сознании, так и Жерар читал-читал-читал стихи, иступлённо впадая в раж. И ему уже неважно было, как реагируют на него люди и слушают ли вообще, главное, чтоб из его горла потоком текла в мир поэзия...

Пытаясь стать хоть как-то замеченными, и может даже (прости, Господи, за наглость!) заработать деньги стихами, мы, как многие молодые и рьяные, сбивались в стаи. Самонадеянно решили насаждать наше искусство насильственно, раз добровольно нас никто знать и слушать не желал.

Я, Жерарчик и неистовая поэтесса Карина Вартанян примкнули к широко известной в узких кругах музыкальной группе «Последнее воскресение». Четверо молодых парней играли этнический рок, призывающий к медитации и созерцательному существованию, что очень неожиданно сочеталось с нашими надрызванными стихами о несчастной любви.

Импозантный лидер-вдохновитель «последних воскресенцев», косивший под Джона Леннона, имел связи в раскрученных рестораничках с живой музыкой и в единственном ночном клубе «Подземелье».

Наскоро сколотив претенциозную программу «И всё любoff...», мы с энтузиазмом ринулись косить по значным местам, не брезгуя при этом студенческими аудиториями и пенсионерскими сборищами при крошечных библиотеках на окраинах нашей «столицы мира»*. (*«Барнаул – столица мира» – роман Сергея Орехова)

Дело пошло бойко, хоть и платили нам жалкие копейки, зато раз, а то и два в неделю мы имели счастье демонстрировать своё искусство публике. В основном эти выступления посещали наши же знакомые (с целью потусоваться, а не слушать про то, что всё любoff...) при условии, что их пропустят бесплатно.

Несмотря на явную нерентабельность нашей концертной деятельности, получали мы очень многое: адреналин закулисных волнений, аплодисменты и огоньки интереса в глазах зрителей, бесценный опыт публичных выступлений и огромное, ни с чем несравнимое удовольствие от самого процесса и возможности поделиться светом своей души.

Из-за частого чёса в клубе, нашу банду вскоре прозвали «Дети Подземелья». Особо врезалось в память первое и оттого ответственное выступление в Мекке местного андеграунда.

«Любoff» уже пора было начинать, несмотря на то, что на концерт купили только четыре билета – зал переполнен и заметно волнуется.

Жерарчика нет.

Тянутся бесконечно долгие десять минут...

Карина медитирует у окна.

В кассе куплен пятый билет.

Жерарчика нет!

«Последние воскресенцы» флегматично разминаются портвейном и тренькают на гита-рах, с каждой минутой заметно кося.

У меня тихая истерика.

Карина с непроницаемым лицом индейца пытается дозвониться до потеряшки.

Тянутся бесконечно долгие двадцать минут.

Беря во внимание буйный подростковый характер подавляющей части наших поклонни-ков, очевидно, что совсем скоро может начаться стихийный митинг незаметно переходящий в оргию.

– Жерар – это наше слабое звено, – уверено и безапелляционно заявила Карина, а ей, как инструктору йоги и клиническому психиатру, несомненно, виднее. Но виднее ей было ещё и оттого, что она первой заметила в окно Жерарчика, приближающегося нетвёрдой походкой с недопитой полторашкой пива в руке.

Виновник моего микроинфаркта, заранее изобразив глупую заискивающую улыбку, вва-лился с пьяной вальяжностью, когда народные волнения грозили перейти в бунт. Времени на избиение младенца уже не оставалось.

По сценарию перед экспрессивной песней рокеров о неминуемом конце света должна была прозвучать поэтическая композиция Карины и Жерара, где они дуэтом читали стихотво-рение о любви. По ходу пьесы, Карина спрашивала:

– Любимый, где ты?

– Любимая здесь, – должен был вдохновенно отозваться Жерарчик.

Причём согласно сценарному плану из полной темноты их должен поочерёдно выхватыв-ать яркий световой луч. Надо ли говорить, что всё это уже было отрепетировано до автома-тизма.

В разгар действия, когда нам не без труда, наконец, удалось завладеть вниманием и распо-ложить публику к сочувствию, настал момент душераздирающего апогея – поэтического диа-лога.

Прочитав, как положено лирическое вступление, Карина спрашивает:

– Любимый, где ты?

Прожектор высвечивает угол, где якобы находится Жерарчик, но кроме обшарпанной стены и не совсем чистого пола с сиротливым окурочком в чётко очерченный круг света ничего не попадает!

Прожектор – на Карину, та не получив ответа, словно так и было задумано с усилением надежды в голосе повторяет вопрос:

– Любимый, где ты?!

Световой луч начинает шарить вдоль стены, заглядывает в соседний угол и, не найдя любимого возвращается к Карине. Уже без напускного актёрского пафоса, а с заметной долей беспокойства она искренне вопрошает:

– Любимый! Где ты?! – её заинтересованность передаётся залу. Уже всем и каждому хочется узнать, куда же, в конце концов, смылся этот ветреный любимый... (?!)

Но, видимо, ясно осознав, что в наш век бессмысленно надеяться на слабохарактерных мужчин, Карина пришла к выводу, что самый главный любящий человек сокрыт в нас самих. Короче, тщетно поискав любовь вовне, мудрая восточная женщина нашла её внутри себя:

– Любимая здесь, – обречённо ответила сама себе находчивая Карина. Но упорный свето-вой луч, не успевая за напряжённой духовной жизнью инструктора йоги, затормозив, не пере-скочил на Карину. Зато ему удалось обнаружить... кого бы вы думали...

Не терявший всё это время надежды луч ослепительного света всё же осветил противо-положный угол. Взору ошеломлённой публики предстала картина поистине эпического тра-гизма личных отношений героев.

Истощённый пьяненький возлюбленный в испачканном извёсткой пиджаке сидел по-жигански – на кортах – с запрокинутой, как у горниста, головой, допивая из горла полторашку. Аплодисменты!!!

Бурная концертная деятельность всё ж таки возымела действие – нас заметили! И ни кто-нибудь из напыщенных графоманов, а самые что ни на есть профи, очленённое братство владельцев красных корочек эзотерического Союза магов и волшебников.

Нас троих: меня, Карину и Жерарчика, – пригласили в литстудию при писательской организации. Ура!!! Мы причислены к касте избранных!

Эта знаменитая студия уже не один год поставляла новое пополнение в благородные ряды рыцарей быстрого пера. Руководил школой волшебников великий и ужасный магистр рифм и аллитераций, поэт-людовед Иван Разрываев. Внешне он напоминал доктора Чехова, продавшего по случаю душу Дьяволу, только вместо пенсне – очки с толстенькими стёклами.

Своей сверхзадачей Иван Маркович почитал, во что бы то ни стало, отбить у молодой поэтической поросли всякое влечение к сочинительству. О его таланте «раскатывать» рукописи, а заодно и авторов ходили легенды.

– Если хоть один из вас бросит писать стихи, значит, я прожил свою жизнь не зря, – любил поговаривать мудрый наставник.

Эффект, правда, получался совершенно противоположный. Слабаки, конечно, после первого же разбора понимали, что абсолютно бездарны, опускали руки и возвращались к нормальной счастливой сытой жизни простых незамороженных обывателей. Совсем другое дело с теми, кто уже успел пристраститься к Вдохновению – одному из самых сильных наркотиков в подлунном мире. У «вкусивших» было два выхода: либо научиться бороться за своё право на место под Солнцем и стать в этой жизни настоящими победителями, либо... гениальными поэтами.

Замечания мэтра были столь едкими и убийственно аргументированными, что продолжать писать после этого, было бы просто преступлением перед человечностью; поэтому те смельчаки, что всё-таки рискнули остаться после экзекуции – первого разбора, окукливались на долгий инкубационный период. Год, два, а то и больше не брались рифмовать. За это время происходило неизбежное взросление и переоценка ценностей. Если и после этого смутьяны не успокаивались, то у них появлялся реальный шанс стать настоящими писателями, потому что после мясорубки Разрываева любой худсовет – просто робкое доброжелательное поглаживание по шёрстке.

В качестве знакомства с будущими жертвами маховика литературоведческих репрессий, новичкам предлагалось рассказать о себе и прочитать, ради общего впечатления, три стихотворения.

Первой, как самый отважный боец нашего трио, была Карина. Предусмотрительно отобрав из своего дикого, по-цыгански разгульного творчества самые спокойные перлы, лукавая комедиантка ловко имитировала плоды раздумий нормального человека, обойдясь без характерных неожиданных метафор.

Маэстро Разрываев с интересом разглядывал пол, словно там, на выщербленном линолеуме скрывались гораздо более содержательные письма. На Карину бросал короткие, как выстрелы взгляды, полные нескрываемого скепсиса. Когда пришёл момент для резюме, то мастер лишь отметил все глагольные рифмы, которые удивительным образом отпечатались в его скушающем сознании, сбой ритма, кочующие ударения и нарушения логической цепочки. К этому было ещё добавлено – отсутствие всякого смысла в прослушанной им несуразной какофонии звуков.

Следующей на арену для битвы вышла я, пролепетав свои слёзные вирши о жестокой судьбе и одиночестве. На что учитель среагировал благосклонно и успокоил меня тем, что это

скоро пройдёт, не уточнив, что же именно должно исчезнуть из моей жизни: стихи или одиночество? Но видимо, эти два понятия были, по его мнению, почему-то неразрывно связаны...

Жерарчик не стал следующим в цепочке казнённых Иродом младенцев. Он импозантно вышел на авансцену и с душевным придыханием, нежно грассируя, что обзавидовался бы даже Вергинский, поднапустил обаяния, читая красивые заклинания бархатным голосом. Все зрители легко поддались гипнотическому влиянию хитреца, кроме неумолимого истребителя гнусных рифмоплётов – Разрываева.

Из трёх стихов, прочитанных Жераром, мастер выделил последнее, разбив в пух и прах два предыдущих:

– Первые были – так себе... Проходные. Ни о чём. Да и вообще, ты заставил нас себя слушать только лишь благодаря актёрству. Форсировал голосом. Дома, штоль, перед зеркалом репетировал? – мастер презрительно хмыкнул, – Но вот последнее... из этого при должном трудолюбии можно вылепить нечто на самом деле стоящее... поднимает, так сказать, над суетой, не для гордыни писано... но для вечности...

После дебюта в студии, словно после обряда инициации, мы с Кариной вышли подавленные и тусклые, будто разом постарели. А Жерарчик, не в силах сдерживать тайное ликование, загадочно посмеиваясь, полдороги интриговал нас тем, что скоро сообщит некую потрясающую новость.

Оказывается, он искал подходящий антураж. Когда мы проходили по парку, интриган вскочил на постамент, оставшийся от унесённой ветром истории, гипсовой пионерки:

– А вот теперь сенсационное разоблачение! Внимание, дамы! Из стихов, что я прочитал, первые два – Бродского, а последнее, которое Разрываев похвалил – моё! Я – гений!!! Всё, в студию можно больше не ходить.

И действительно, в студии Жерар больше не появился. А нам с Кариной пришлось пройти все круги литературного ада, положить жизнь, чтобы с полным правом называться громким именем – писатель. Тратить сбережения, нервы, силы, чтобы донести людям свои сердца, не получая ничего взамен, кроме обидных тычков, непонимания, презрения и равнодушия. После мы даже нежно полюбили нашего учителя Ивана Марковича Разрываева, поняв, от скольких бед и разочарований он хотел нас предостеречь.

А Жерар... он жил забубённой жизнью настоящего поэта – непредсказуемой, полуголодной... и свято верил в свою гениальность.

Самое страшное – это сделать горе своей профессией. И мы пошли на это, бездумно поставили на поток стихи, что рождались исключительно от невыносимого одиночества. Поэтому оно никогда не покинуло нас. А Жерарчик шёл по жизни рука об руку со своим Вдохновением. Любовался им и боготворил. Счастливчик!

В хроническом неустрое, который Жерарчик высокопарно именовал не иначе, как богемный образ жизни, случались иногда периоды стабильности. Однажды он на удивление всем устроился на работу официально, что само по себе уже было невероятно и приравнялось к ратному подвигу. После титанических усилий над собой, пришёл в магазин рядом с домом, куда был принят одновременно дворником и чернорабочим.

Каждый день Жерар вставал в пять утра и в любую погоду «приводил в порядок свою планету». Очень скоро Жерарчик нашёл в монотонном физическом труде отраду и вдохновение. Начальник нарадоваться не мог. Но из первого же отпуска Жерарчик на работу не вернулся.

По сути дела, поэт целый год усердно мёл улицу, долбил лёд в лютый мороз и таскал мешки (в этот период он даже стихи стал писать в несвойственном ему ритме) лишь затем, чтобы накопить денег на путешествие к морю, которого не видел никогда в жизни.

До моря бедолаге не суждено было добраться. Как всегда подвела излишняя доверчивость и бездумная восторженность. Ему казалось, что коварство, насилие и вообще всё самое

страшное в его жизни прошло, оставшись там, за толстыми мрачными стенами исправительной колонии. Мечта детства оборвалась самым неожиданным образом.

В дорогу вместе со скудными пожитками, записной книжкой и томиком Гумилёва, Жерарчик взял и то, что открывало, по его мнению, доступ в любую компанию, концентрированное веселье – целый стакан анаши.

В поезде Жерар познакомился с двумя модными девицами, которых тут же обаял широкими гуманитарными познаниями. В эйфории от предстоящих приключений, интуиция и благоразумие покинули его окончательно. С весёлыми попутчицами тут же распочал дьявольскую заначку... а наутро очнулся весь ободранный, в крови, с переломанной рукой под железнодорожной насыпью. Без денег, без паспорта, и даже без дешёвого тряпочного рюкзака.

До дому добирался автостопом. Жив остался благодаря только стихам и врождённому обаянию.

Вернувшись в родные пенаты, решил, что работать больше не пойдёт, так как всё равно не может распорядиться честно заработанными грошами. Уж лучше так, как есть, болтаться, без этаких приключений, хоть из поезда никто не выкинет.

Периодически Жерар прилеплялся к какой-либо одинокой даме и с наслаждением паразитировал, пока у покровительницы не кончалось терпение. Некоторые наиболее стойкие и падкие на искусство экземпляры держали у себя кудрявого домашнего питомца годами. По утверждениям самого жиголо, это он украшал жизнь несчастных леди, и они должны быть ему благодарны:

– Я наполнил её никчёмную жизнь смыслом и красотой! Ты ведь ещё не видела, как я научился расписывать обыкновенные стеклянные бутылки. Это ж шедевры!

Однако рано или поздно даже самые бесперспективные неудачницы неизменно приходили к неутешительному выводу: сколько поэта не корми, а он всё ест и ест, да и любовь имитирует только в первоначальный период отношений, пока не перевёз в квартиру домашние тапочки, а затем носится где-то с иными Музами по иным облакам.

Однажды наш ловелас отправился к очередной пассии на ночёвку с одним лишь будильником за пазухой. Как каждый творческий человек, он имел кучу разных странностей, одной из них было пристрастие просыпаться утром исключительно под настойчивые сигналы любимого будильника.

Общественным транспортом, надо сказать, Жерарчик пользовался очень редко, предпочитая повсюду ходить пешком. Но дама сердца жила на другом конце города, в новом спальном районе.

Автобус был переполнен. Жерарчика нещадно толкали, настойчиво давая понять, что он совершенно бесполезный элемент в социальном механизме. Но лишний человек, казалось, вовсе не замечал раздражённых тычков и сердитых взглядов, так как совершенно сосредоточился на аудиозаписи. Наушники на улице он почти не снимал, чтобы максимально смягчить стресс от вынужденного контакта с психотравмирующей чуждой поэзии средой. Часто вместо музыки он любил слушать голоса поэтов, декламирующих свои стихи – уникальные записи «Читает автор», взятые в безвременное пользование в родной библиотеке, приютившей поэтов-кофеистов.

Со стороны зрелище он собой представлял довольно странное: сутулый измождённо худой человек явно восточной внешности, одет франтовато, несоответственно обстановке, словно с чужого плеча, погружён в себя, как помешанный, глаза полужакрыты, и шепчет чего-то...

Вдруг электронный будильник неожиданно стал подавать громкие сигналы: пи... пи... пи...

Погружённый в ныряние по урбанистическим лесенкам поэзии Евтушенко, Жерар не сразу сообразил, что на него вопросительно уставился весь салон. Видя замешательство вокруг своей персоны, Жерар решил усилить неожиданный казус, зажмурившись, произнёс:

– Аллах акбар!

Толпа в ужасе отпрянула от «смертника». Вокруг Жерара сразу образовалось много свободного места. По выражениям лиц шутник понял, что оправившись после такого испуга, толпа оправдывает выражение классика о русском бунте, бессмысленном и беспощадном. Его непременно забьют ногами. Тут же некстати всплыло в сознании, что ему, как на беду, именно тридцать семь лет. А это, всем известно, роковая цифра для настоящих поэтов.

От кровавой расправы Жерара спасло только то, что автобус причалил к остановке и двери раскрылись. Террорист-неудачник юркнул наружу и припустил во дворы, пока заторможенное массовое сознание не вернулось к заложникам жилищно-коммунальной системы. К счастью никто из онемевших пассажиров не рискнул последовать во след.

Погиб Жерар неожиданно и совершенно нелепо. Сгорел в старой маминной квартире от непотушенной сигареты. Вместе с ним сгорели и все его стихи.

Говорят, поэт состоялся, если после него в памяти народной осталась хоть строчка. А мы с Кариной помним целое четверостишие, оставшееся в наследство от Жерарчика, написанное не для гордыни, а для вечности... о его неуёмной жажде любви, которую ему так и не суждено было утолить...

Хочу испить одним глотком

Семь тысяч километров Нила.

Хочу – сейчас, хочу – потом,

Хочу, чтоб ТЫ меня любила!..*

---

*Евгений Тангейзер (Маликов) отрывок из стихотворения «Жажда»

Почему я не пою?

Рассказ

*Природа прячет от человека знания,
как заботливая мать прячет
от ребёнка опасную игрушку*

Жан-Жак Руссо

Многие знания – многие скорби...

Экклезиаст

Подруги Алька и Нина Дмитриевна проделали долгий путь через весь город и оказались в маленькой парикмахерской, расположенной в полуподвальном помещении в новом панельном доме, за которым начиналось бескрайнее поле, а цивилизация уже не подавала признаков жизни. Чтобы попасть сюда, они сделали две пересадки из одного душного автобуса в другой, а затем ещё тряслись в разбитом трамвае до самой конечной остановки.

Всю дорогу Нину как женщину уравновешенную и благоразумную не покидали томительные сомнения: «Ну, за каким чёртом я поддаюсь на уговоры этой безбашенной взбалмошной Альки и попёрлась неизвестно куда на ночь глядя. Очередная афёра и выброс денег, точно таким же неистовым синим светом горели глаза подруги когда она втянула кучу знакомых в финансовую пирамиду под громким названием «Элитный закрытый бизнес-клуб». В то время тоже шитая белыми нитками авантюра называлась – верным делом, авангардом, ключом к счастливому будущему... А закончилась позором, разочарованием и разорением. Хорошо я не поддаюсь тогда на увещевания и громкие посулы. Зачем же сейчас-то попёрлась? Дура! Альке что? Мужика нет – свободна, как вольный ветер! Вон она – сидит рядом, довольная, в предвкушении чудес, ещё и мурлычет себе под нос – клён ты мой опавший, клён заледенелый...»

Алька действительно сомнений по поводу целей поездки не имела – ехать надо обязательно! Как натура импульсивная, увлекающаяся, отметала все препятствия. Ведь там, на этом очень закрытом эзотерическом семинаре, вся судьба её может повернуться вспять. И она узнает, наконец, причины своего катастрофического невезения в личной жизни и убийственного одиночества. Действительно, ну с чего, скажите, ради, ей – ослепительной стройной красавице, да ещё и ведущей актрисе театра драмы, пребывать всю жизнь в растрёпанных чувствах, кочуя из одной безнадёжной любовной истории в другую, ещё более безнадёжную.

Ведь помогло же общение с мастером Всеславом другим людям кардинально изменить жизнь, и ей поможет. Не может не помочь! Ведь не может пытка эта длиться так бесконечно долго. Она яркая, талантливая, популярная! И вот так постоянно одна с двумя детьми, отцы которых не интересуются воспитанием, да и носу не кажут, перебиваясь на нищенскую зарплату, на квартире у древней бабульки, пережившей свой интеллект. А ведь известной артистке необходимо выглядеть, производить впечатление, нравиться всем... а всем нравятся только счастливые и независимые. Вот, как Нинка, например!

Нину Дмитриевну действительно можно было назвать человеком не просто успешным, а стабильно успешным. Шикарная квартира, любящий заботливый муж, должность – главный бухгалтер солидного предприятия. И если Алька который год с остервенением мечтала о банальном отдыхе в Турции, ну хоть по самым дешёвым расценкам, в самом-присамом паршивеньком отелешке (а вдруг и там водятся шикарные холостые иностранцы?), то Нина каждый год посещала с мужем Егором, главным инженером химического комбината, какую-нибудь экзотическую страну, так как все неэкзотические давно закончились.

Была всё же у Нины тайная заветная мысль, которая не позволяла ей повернуть обратно. Точнее, даже этот семинар, вскрывающий причины всех проблем и событий, мог дать ей надежду иметь детей. В 37 лет впервые стать мамой – это последний шанс. В роддомах роженицы в таком возрасте называются – не просто старые первородящие, а, наверное, вообще – древние ископаемые. Самое удивительное, что в здоровье ни у неё, ни у любимого супруга никаких отклонений медицина не обнаружила. Егор, настроенный на восприятие жизни философски, говорил одно: «Подождём. А, может, Бог даст?»

Для себя самой и, в первую очередь, для грешащей резкими оценками подруги, Нина откопала в качестве причины похода к эзотерикам незатейливый повод – своё необъяснимое поведение на всех гулянках и увеселительных сборищах. Дело в том, что Нина Дмитриевна не могла петь. Хотела, а не могла. Существовал некий, говоря театральным языком – зажим, похожий на фобию. Этот странный казус преследовал Нину с детства. Душа поёт и радуется вместе со всеми, и слух есть, и голос, а заставить себя раскрепощённо петь вместе со всеми она никогда не могла. Когда это замечали и спрашивали, почему ты не поёшь, Нина стала имитировать, открывать рот, покачиваясь в такт мелодии. Ей это и самой было интересно. Вот с этой «официальной версией» она и отправилась к магу Всеславу.

Сложная технология погружения была объяснена Алькой до примитива просто:

– Мастер введёт тебя в транс. Ты увидишь свою прошлую жизнь и найдёшь причины бед и ответ на все вопросы.

В аудитории, где должен был состояться эзотерический сеанс, кроме Альки и Нины находилось ещё три семинариста. Точнее семинаристки, так как все они были женщины. Полу-безумная старушка крепко, словно боясь потерять, держала за руку слепую внучку – рябую с оплывающей фигурой девушку с запавшими безжизненными щелками вместо глаз.

Последняя из слушательниц духовных лекций всем своим видом показывала нам, дилетантам, что она гораздо более продвинута на пути духовного развития и великому мастеру не посторонний человек, а лицо, невероятно близко приближённое. Верная соратница цыганистого вида развила бурную деятельность в отсутствие мэтра: расставляла кресла полукругом, стирала с доски, словно хитрая школьница, подлизывающаяся к преподавателю в надежде на снисхождение при проверке контрольной работы.

Явление учителя задерживалось уже более получаса, и посвящённая ученица с частотой навязчивых нервических движений ежеминутно резко склонялась над экраном мобильного, пытаясь высмотреть там знак свыше. Наконец благовест прозвучал, и вместо звонка телефон зачирикал испуганными пташками. Верноподданная, как вымуштрованный солдат, кратко отчиталась генералу: «Да. Да. Четыре человека. Ждём. Хорошо». Затем уже другим голосом не подобострастным, а как служащий вышестоящий сообщает приказ подчинённым, сухо кивнула в нашу сторону:

– Мастер скоро будет. Сдаём плату.

Мы, как послушные члены закрытого общества «Меча и Орала», уложили в картонную коробку отнюдь не малые взносы. После чего с удивлением узнали, что сумма могла стать более скромной, если сделать страдальческое лицо, пустить драматическую слезу и непрерывно швыряя носом, плачущим фальцетом прогнусить: «Разрешите, нам необходимо получить информацию, но нищенская пенсия и трудное материальное положение не оставляют другого выхода, и мы вынуждены просить нас пустить и войти в положение...» Урок актёрского мастерства стоимостью в среднестатистическую зарплату госслужащего преподавала бабушка слепой девушки.

Сборщица податей, уронила с лица натужную улыбку и строго поглядела на жалкую парочку. После трёхминутного испытующего накалённого молчания она всё же благосклонно разрешила им остаться на сеансе получения сверхнужных убогим просителям знаний. После того как коробочка, полная купюр, растворилась в тёмных закоулках пустых коридоров, страждущие узрели явление высшего порядка – из загадочного ниоткуда, а скорее всего, из соседнего кабинета, в зал скользящей походкой вплыл Великий Учитель!

Всеслав имел благообразный лик ветхозаветного старца, словно сошедшего с высоты Праотеческого ряда православного алтаря. Только вот отчего-то ликописец, создававший этот поистине блаженный образ, видимо находясь вне времени, облачил светлейшего патриарха в гламурные одёжки из самого дорогого местного бутика. Да и накаченное упругое тело преподобного Всеслава язык не повернулся бы назвать старческим или даже аскетичным.

Всеслав Барагозин был личностью широко известной в узких кругах, но столь неоднозначной, что мнения о нём разнились диаметрально. Известно было, что одно время он настойчиво примазывался к обществу ветеранов-интернационалистов. Ходил в военной одежде и позиционировал себя как герой-орденоносец, раненный в горячей точке. Предположительно, точка эта находилась непосредственно в его голове, за что и получил Барагозин циничную кличку «Дядя Дилибомчик». Военское братство относилось к фантазёру прохладно-настороженно, но и взашей не гнали, ценя исключительные способности странного гения «Кафку делать былью».

Неоднократно замечен был воинствующий мистификатор и в многочисленных бизнес-проектах, провалившихся до единого. Это были: организация всевозможных концертных туров, создание фондов и благотворительных общественных организаций, руководство молодёжным театром и секцией древних единоборств, экологических поселений и артелей свободных художников. Много ещё чего наворотил бы мастер фантазмагорий, если бы однажды не вышел на золотую неиссякаемую жилу. Ведь всё гениальное просто: хочешь стать богатым и знаменитым – создай свою религию!

Для роли блаженного Всеслав Кантимирович был слишком прагматичен, а статус босса был для него слишком узок, так как устремлен он был не только во все стороны, но внутрь себя, что делало его в высшей степени непонятым в глазах ограниченного бюрократического сообщества. Так что оставался ему один выход, раз не вписался в этот мир – создавай свой!

– Солнца и мира вашей душе! – возопил мастер Всеслав, заполнив своей непобедимой аурой всё и вся через край.

И без того маленькая цирюльня словно сжалась до размеров тесной кладовки. Заворожённые зрители не могли оторвать глаз от мастера. Он обладал поистине необъяснимым магнетизмом и озорной харизмой. Как опытный лицедей, он вещал своим подопечным, словно поливая жаждущие ростки живительной влагой.

Это был театр одного актёра. Нина Дмитриевна даже перестала жалеть о потраченных на семинар деньгах. Когда она не понимала специфической терминологии мастера, смотреть на него всё равно было очень интересно. Живая мимика, когда лицо выражает целую гамму чувств и необыкновенная притягательность создавали атмосферу полного единения. Всеслав, безусловно, горячо, искренне верил в то, о чём говорил, при этом глаза его сверкали, а руки подтверждали каждое слово на своем языке:

– Господь сказал – будьте, как дети! То есть находитесь в позволении. Позволяйте Господней руке двигать вами, не сопротивляйтесь Его воле! И тогда вы позволите великому плану, возложенному на вашу жизнь, осуществиться. Уберите своеволие, проявите смирение – и жизнь ваша изменится до неузнаваемости! Но это будет отдалённый, а не сиюминутный результат. Даже если вам кажется, что в данный момент всё невыносимо плохо – уходит муж, умирает кто-то, увольняют, да что угодно. Верьте, настало время перемен к лучшему. Доверьтесь Богу безоговорочно. И потом, по истечению многих лет, вы поймете, как Он был прав и сделал всё возможное, чтобы улучшить и облегчить вашу жизнь!

Вы все пришли ко мне с вопросами, что кажутся вам сейчас важными и неразрешимыми. Но все ответы лежат в самой глубине самого вашего вопроса. Сформулируйте его и вслушайтесь. Вначале было слово! Ответы на все вопросы лежат в сердцевине самого слова.

Вы все хотите счастья? Вслушайтесь: счастье – сейчас, я – сейчас есть! То есть вы в данный момент, здесь и сейчас. Почувствуйте себя в данный отрезок времени. Перестаньте цепляться и горевать о прошлом, не тревожьтесь и ничего не загадывайте на будущее. Только здесь и сейчас. Ну, и что? Сейчас плохо вам?

– Да ничего вроде бы. Тепло, светло. Войны нет, с голоду не пухнем.

– Вы хотите помощи от меня. Помощь всегда с вами рядом. Поднимите глаза к небесам. «Небеса» – нет беса! И сверху придёт к вам благодать. Молиться умеете?

Вы все хотите радости каждый день. «Ра-дость» – РА в достатке. Ра – солнечной благотворной энергией была наполнена душа. Так не закрывайтесь от солнца, неба, живительных сил матери-земли и от других людей. Будьте открыты и доверчивы, как дети!

Мы все дети неба и земли. Головой к небесам тянемся, ногами в почву упираемся! Поэтому, заканчивая теоретическую часть семинара, перед тем как перейти к сокровенным практикам погружения, мы должны подготовиться. Предлагаю всем разуться. И вперёд – за мной, чтобы ноги чувствовали землю.

– Так ведь холодно. Снег уже выпал, – невольно вырвалось у Нины Дмитриевны. Но возглас её остался без поддержки. Мастер вышел, давая возможность ученицам разоблачиться. Рефлекторно повинаясь настроению остальных, Нина послушно сняла сапожки и стыдливо впихнула комом дорогие колготки в сумочку: «Что я делаю? Только что еле вылечилась от насморка! И как сумасшедшая иду ноги морозить. Но вдруг, не зря?! А-а, будь что будет!..»

Всеслав оказался прав: ноги мёрзли только вначале – на каменных ступенях лестничного пролёта, а в соприкоснувшись с живым снегом, словно загорелись.

– Гей, братья и сестры! Слава нашему Отцу Небесному! Напитайте нас божественной энергией земля и небо. Упадите сверху, голубые небесные потоки – прохладные, мятные дожди. Освежите разум, очистите мысли от скверны. Поднимитесь из земли, пурпурные горячие соки – сладкие, тягучие, карамельные. Несите энергию, силы и желания – напитайте плоть.

Когда эйфория от беготни по снегу в тёмном дворе улеглась, мастер начал сеанс. Первой на одинокий стул посреди комнаты усадили слепую девушку. Всеслав открыл старинный сундук, где покоились разные колокольчики (от совсем крошечного до солидного, размером с кастрюлю). Для погружения слепой девушки в транс мастером была выбрана пара колокольчиков-близнецов, медных, испещрённых непонятными надписями.

Всеслав стал звонить в колокольцы то в унисон, то поочерёдно. Прозванивая всё тело девушки с ног до головы, а затем остановился только над её макушкой.

Мастер будто вёл её за руку и уводил всё глубже и глубже в загадочный туманный мир снов, в царство подсознания. Он задавал умные наводящие вопросы, что же она на самом деле так сильно хочет узнать, что привело её на этот сеанс. Он переводил её из одного возрастного этапа в другой и внимательно слушал, что же рассказывает пациентка, что важного запечатлелось в её памяти год назад, пять лет назад, в отрочестве, в детстве, до рождения...

– Ты в материнской утробе. Что ты видишь?

– Ничего. Привычная темнота, как всегда.

– Тогда двигаемся дальше.

И снова звон. Звон. Пронизывающий и завораживающий, который отдаётся в каждой клеточке живым дребезжанием, откликом.

– Отмотаем ещё десять лет. Что ты видишь?

– Я вижу себя в бедной комнате. Четверо моих маленьких детей спят на полу на одеяле. Я женщина. Молодая, но седая.

– Год? Страна?

– Украина. Послевоенные годы.

– Что ты чувствуешь?

– Обиду. Горечь. Меня муж бросил. Ушел к молодой. Ещё избил и ограбил на прощание. Как жить дальше? Барак. Стены тонкие. Все всё про всех знают. Не могу никого видеть! Видеть не хочу! ВИДЕТЬ НЕ ХОЧУ-У-У!!!

– Вот и ответ на твой вопрос. С этой формулировкой ты перешла в своё следующее воплощение, и небеса выполнили твоё сильное желание.

– Но я хочу видеть.

– Тогда давай работать. Истреблять злобу в душе. И прощать неверного супруга.

– Не могу. Ненавижу его. Ненавижу!

Всеслав ведёт женщину дальше – в те времена, когда они были счастливы с мужем. Знакомство. Трепет влюблённого сердца. Первый поцелуй. Его детство. Он трогательный карапуз с царапиной на носу-кнопочке. Тянется к столу за обмусоленным пряником. Падает и горько плачет.

– Пожалей его. Прости. Отпусти. Мир не виноват в том, что не сложилась ваша совместная жизнь...

Алька едет на телеге по ухабистой деревенской дороге. Жаркий полдень. Она лежит животом на куче льняных мешков, свесила голову с телеги лицом вниз и теперь её трясёт на каждой даже крохотной кочке. Но от этого захватывающе весело, как на карусели. Улыбается сама себе, точнее, она уже и не Алька вовсе, а шустрый деревенский папан, которого разрывает изнутри от счастья и жажды приключений от безусловного знания своего могущества – ничего, я вам ещё всем докажу!

Плывут синие резные звёздочки васильков, розовые пушистики клевера, большие широко открытые глаза ромашек. Вот шмель, как мохнатый кулачок деловито зажужжал и поспешил по своим важным делам. Стрекоза переливается всеми немыслимыми цветами. Ароматная лечебная Богородская травка. Там и тут мелькают созревшие ягодки клубники. И колдовской духмяный пар над лугами, над прогретой золотой дорогой, такой, что хочется только им всю жизнь и дышать...

Вдруг, купе поезда. Женщина красивая, но уставшая. Она плачет, не замечая чёрных подтёков туши под глазами. Голоса не слышно, не разобрать взволнованной речи. Но понятно, что она ругается, обвиняет и как основной аргумент предьявляет чернявенького новорожденного ребёнка в кружевных пелёнках.

Алька чувствует поток ответной злобы и недоверия. Неприятны и женщина, и её ребёнок. Возникает только одно желание – как можно быстрее покинуть тесное купе.

ШМЯК!!!

«На грязных обоях противного зеленовато-оливкового оттенка капли крови – моей крови! Беспощадная железная рука, что выдернула из лета, из детства, из счастья, схватив за волосы».

ШМЯК!!!

«Беспощадная железная рука бьёт меня головой об стену, а этот омерзительный хруст только что об эту стену мне сломали нос!»

ШМЯК!!!

Осознание неотвратимости приближения смерти вдруг не напугало, а обрадовало – «Да. Ну и пусть. Это, пожалуй, единственный выход!» – последняя мысль наполнила Алькину душу такой обречённой безысходностью, что она перестала чувствовать боль, перестала чувствовать всё. Всё та же беспощадная железная рука оттянула голову жертвы для нового удара об стену... и вдруг в обломке зеркала на стене Алька с ужасом и трепетом узнала себя – она Есенин! Да-да, пусть избитый, истекающий кровью с изуродованным лицом, но спутать не возможно. Только кудрей никаких золотых и в помине нет, так серая окровавленная пакля. От удивления Алька вздрогнула и обмякла, последнее, что она почувствовала – сдавливающий горло жгут.

Нина Дмитриевна вплыла в огромный помпезный зал, торжественно и величаво, как гружёный драгоценными специями корабль с надутыми парусами. Перед фееричным явлением публике Нина Дмитриевна несколько часов провела в своей гримуборной. Над ней хлопотливо колдовали цирюльники. Сама она давно уже не накладывала краску и не начёсывала высокий парик, как в начале своей молниеносной карьеры.

Реакция зала на появление звезды была предсказуемой – всеобщий усиленно сдержанный вздох. В этом звуке смешалось всё – восхищение, удивление, любопытство, страх... и презрение. «Да – презрение, моя душа всегда чутко чувствовала этот больной комочек при разговоре со всеми людьми, даже с родной матерью, с которой не виделась более 12 лет. Она осталась в родной Ровении и даже представить не может в своих мелких провинциальных мыслях, в какой роскоши купается её чадо. Да в роскоши... и презрении!» – Нина Дмитриевна поплыла вдоль длинных столов, ломившихся от яств и драгоценных вин.

Взгляд её задержался на гигантском серебряном кувшине. На его блестящем отполированном боку, как в зеркале она увидела своё отражение. Высокий изящный юноша с тонким божественно красивым лицом, облачённый в невообразимый сверкающий наряд из голубого атласа, парчи, расшитый серебром и жемчугом. На голове диадема, усыпанная бриллиантами, на руках тяжёлые браслеты из золота и драгоценных камней. Длинные тонкие пальцы увиты перстнями, носить которые достойно лишь царям...

«Боже мой! Я – мужчина?! Не может быть! Почему я этого никак не почувствовала?! Странно, если я – принц, то откуда же это чувство униженности, обиды и ущербности, неистребимо терзающее изнутри? Вот этот жирный лоснящийся патриций обожрался мяса и теперь смотрит откровенно плотоядно, будто имеет на меня право, как на своего раба! Да и не один он посматривает в мою сторону с нескрываемым вождением, будто намерены попробовать меня на ощупь и пересчитать зубы. Наверное, именно так ощущают себя запуганные пленные наложницы, когда алчный работороговец показывает живой товар бесстыжим покупателям. От того и выпендриваются заморские девицы, язвят будущим повелителям, поднимают на смех... а потом воют всю ночь хором в душных застенках!

А вот и мой «хозяин». Странно как я безошибочно его узнала. Осознание безграничной власти накладывает неизгладимый отпечаток, делая любые лица похожими на массивный, внушающий трепет лик каменного полководца Гаттамелаты работы заносчивого кривonosого каменотёса – Микеля-Анджело.

При появлении патриция, внутри будто что-то похолодело и съёжилось. Тягучая беспросветная тоска заполнила душу.

Мой патриций небрежно махнул рукой, отведя в сторону влажный похотливый взгляд:
– Пой, кастрат!

И все взгляды: любопытные и равнодушные, надменные и сочувственные, устремились в моё лицо, как стрелы беспощадных воинов легиона. Звуки полились из меня, как кровь из открытой раны, унося силы и желание жить...

Для чего пошла на этот семинар? Всё думали, что Всеслав ловкий аферист, а он и впрямь обладает чем-то. И решилаась ведь заглянуть туда, куда человеку заглядывать не позволено?! Зачем?! Раньше у меня была надежда, теперь её больше нет!

– Ну что, узнала секреты бытия? Заглянула в прошлые жизни? – мягко поинтересовался супруг, видя, что Нина вернулась встревоженной.

– Да уж заглянула. Потом всё расскажу, сейчас уже сил нет. Только вывод крайне неутешительный!

– ? – Егор выразительно глянул на жену, повернувшись к ней всем телом, так напоминающим массивный, внушающий трепет торс каменного полководца Гаттамелаты. Нина не привыкла скрывать что-либо от любимого, да и невозможно было что-либо скрыть от этого большого, доброго, каждой клеточкой преданного ей человека.

– Не будет у нас детей. Никогда. Зря стараемся!

Егор посмотрел на жену долгим щенячьим взглядом и успокоил одной только фразой, как умел делать только он:

– Ничего. Значит, в нашей семье будет только один, зато самый любимый ребёнок – это ты!

Нина, как на автопилоте взяла любимый махровый халат и отправилась ополоснуться. Напустила душистой пены в тёплую воду. А чуть погодя из ванной раздались звуки, приглушённые шумом падающей воды, которые ещё не слышали стены уютной квартиры. Нина выводила мотив, ничего не боясь и не задумываясь, как возникает и вылетает на белый свет эта песня: «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...»

Прокопевна
рассказ
Памяти бабушки

С самого утра Прокопевна впала в отчаянное волнение. Оно накрыло её в тот момент, когда старушка оторвала листок календаря. После тщательного его изучения почти слепыми глазами, в нарастающей тревоге ей удалось рассмотреть, что наступило девятнадцатое число. Едва дождавшись пока внучка, поднимется с постели, она кинулась к ней в слезах:

– Доча, мы ведь Юрочку с Днём рождения забыли поздравить!!!

Но ужасная новость не произвела на Асю должного эффекта, а напротив, не на шутку разозлила:

– Баб, ну сколько можно? А?! Ты достала уже с Юрочкой своим! Сил нет! Трындец, блин! Когда у дядь Юры День рождения?

– Восемнадцатого.

– А месяц ты хорошо запомнила, в каком сына родила?

– В марте... в Акмолинске ещё снег лежал.

– А сейчас что?

– Что?

– Октябрь-брь уж наступил... полгода ещё до Юрочкиного Дня рождения! А ты мне каждый месяц концерты закатываешь! Зла не хватает. Вот езжай к своему Юрочке и целуйся с ним!

Прокопевна пристыжено вжала голову в худые плечи и нетвёрдо засемила в свою комнату, корректируя продвижение по длинному коридору осторожным касанием стены рукой, тихо шепча сама себе:

– Ну, иди тогда, Прокопевна, в свою ателье...

– Баааб, – взревела ей в сутулую спину взвинченная Ася, – Ну сколько раз повторять – хватит обои пачкать! Го́да ещё не прошло после ремонта, а уже чёрная полоса по всему коридору от твоей руки!

– Да где-то палочку свою посеяла, – оправдываясь, залепетала старушка, продолжая движение наощупь, сгорбившись сильнее.

Ася ревновала бабушку к своему дяде, успешному московскому адвокату, который вспоминал о слепой девятилетней матери исключительно по праздникам. По убеждению Аси, бабушка должна всецело и безраздельно обожать, боготворить только её, Асю и отдавать всю пенсию только ей. Но вредная капризная старушка ежедневно вспоминала о милом Юрочке, что потерялся на неприветливой чужбине один-одинёшенек в зловещих столичных лабиринтах юриспруденции.

Дядя – седой солидный господин с насмешливым прищуром и ежеминутными ёрническими подколками, всегда вызывал у Аси тревожные подозрения, как бы на нашу хибару глаз не положил. Им там, столичным адвокатским бесам – запросто любую жилплощадь оттяпать. Ничего святого! Нас-то всё поносит, мол, провинция немытая, а приведись до дележа, так и не побрезгует родным грязнопупинском. А чего ещё ждать от человека, для которого суд – дом родной и кормушка. Отъел ряху на чужом-то горе.

Себя Ася почитала за героиню-великомученицу – дохаживать древнюю больную бабушку с пожизненной инвалидностью – тяжкий груз, и за это они ей все обязаны ноги целовать: и московский дядя, и мамочка – та ещё непредсказуемая мадам. А то больше что-то не нашлось желающих за старушкой глядеть, а как помрёт? Сразу налетят вороны – наследнички. Хорошо, что Ася давно сообразила вырвать у бабуси дарственную на квартиру, а эта бумажка, как известно обратного хода не имеет, и в суде не оспаривается. Обломитесь все адвокаты!

Прокопевна долго держала в сухих ладошках детскую Юрочкину фотографию. Рассмотреть уже не могла, но помнила всё до мельчайших подробностей: в пенных крахмальных кружавчиках лежит смешной очаровательный малыш с круглыми глазами в казённой ясельной панамке:

– Груздок, ты мой! Груздок!

«Закапывание глаз» заняло сегодня больше времени, чем обычно. Руки дрожали, и старая липкая пипетка проносила лекарство мимо. Наконец капли попали в два голубых «озерца», на некоторое время, прояснив чёткость контуров окружающего мира. А утренний оздоровительный ритуал продолжился. Таблетки были разложены на всю неделю по пробкам от пластиковых бутылок: в «беленьки» – утренняя доза, а «синеньки» – те на ночь. Раньше Прокопьевна ещё делала зарядку – незамысловатые движения сидя, но уже давно больно было даже тряхнуть головой, шум в ушах поднимался, словно в ураган попала.

– Охы, доча, да что ж это я так помногу таблеток-то пью? – Обратилась старушка к зашедшей в её «келью» внучке, – может, хватит уш мне их пить? Хватит деньги-то почём зря переводить?

От сказанного Ася на миг приостановила энергичное рытьё в шифоньере:

– Нет, ты чё, меня сёдня решила окончательно доконать? Пей, давай быстро! Чего хочешь, чтоб парализовало на хрен? Вспомни, сколько после инсульта отваживались? Я не хочу за тобой лежачей памперсы менять!

– А я ведь, доча, ниччо не помню! Помню только, как язык тяжелел. Страшно это – никому я не хочу надъедать! Ты если там чево, ты сдай меня в детдом.

– Куда? – Ася нервно хохотнула.

– В дом инвалидов, как Леночка из пятой квартиры свою свекровку.

– Нет уж! Хренушки! Им тогда и пенсию отдавай и хату. Государство – не дураки, за просто-так с вами нянькаться!

Ася надевала модную блузку и злилась, что обнова, ни разу не надёванная, стала тесновата.

– Ты, доча, на работу?

– Какая работа? Окстись! Суббота ж сегодня!

Прокопьевна заметно встревожилась:

– А куда? Куда собираешься?

– Да так... пойду с Викой прошвырнусь... к знакомым... – неопределённо повела плечами Ася.

– Давай там не как тудыличи – еле-еле порог перешагнула. Ох, как же противно, когда женщина пьяная!

– Строить меня заканчивай! Без тебя как-нибудь разберусь!

– Ты, доня, не сердись. Но всегда помни – первую рюмочку пригубила, а вторую – уже всё. Извините, не могу меня дома бабушка старенькая больная ждёт. А не так чтоб по всей! Ежли норму свою не знать... – то это чё-то с головой... А уж этт-та твоя В-вик-ка!!! Она ж как конь, ведро заглонёт – не поморщится! А ты гонишься за ней? Зачем? И чему она тебя хорошему научит? Охы, как вспомню как вы с ней на Новый год!.. Лежат – две лосихи... вином пахнет... Фу!

– Слушай, ты хорош уже! Иди детей своих поучи... правилам хорошего тона! Чё-то не сильно они к тебе бегут, хоть их годами бабушка старенькая больная ждёт! Чего у меня в жизни-то хорошего есть? Ни мужа, ни работы приличной! Впахиваю за три копейки, дак ещё и в собственные выходные на тебя смотреть! Хочешь последней подруги меня лишить?!

– Доча, у тебя же сын! Сутками ребёнок в ящик пялится, а матери хоть бы хны! Вот чего он там видит-то? Цельный день: тум-тум-тум-тум. Как в кузне!

– Да, уж музыка точно – такой, наверное, фашисты в концлагерях пленных пытали, – Ася решила переключить свой гнев с бабушки на сына, – Олежка, ну-ка выключай комп! Ты меня слышишь? А?! Открой!!! – Ася отправилась ругаться с вечно запертой дверью в детскую.

Правнук Олежка – ещё один человек, любимый Прокопьевной беззаветно. Любовь эта, правда, видимого отклика не находила и на Олежкином поведении не отражалась. «Но ведь

на то он и мальчик, не глядя же ему вышивать в конце концов. Подрастёт – поймёт!» – успокаивала себя Прокопевна.

Горячо любимый правнук реагировал на её просьбы и замечания не иначе, как на привычный бубнёж с экрана, то есть – никак. Но зато он радовался и чмокал старческую щеку, когда Прокопевна умудрялась пожарить ему картошечку с корочками.

А как начнёт бабушка поучать, типа: «Давай учись! Не выказывай! Помогать-то некому, самому придётся дорогу в люди пробивать. Бросай ты эту свою трындычиху – капютер. Он у тебя жизнь отнимает!» То на это сам собой нашёлся безотказный способ дрессировки надоедливых старушек: показать питомца – ручную домашнюю крысу, даже и показывать не надо, можно просто сказать: – А вот у меня Пипа, хочешь подержать?

В ответ Прокопевна, как шёлковая ретируется под испуганные причитания:

– Вот сказали бы, возьми мыша или руку отрубим, а я бы сказала – нате рубите руку, не возьму мыша...

Когда за Асей захлопнулась дверь, Прокопевна села на своё привычное место в кресле у окна, где и проходили её одинокие дни.

– Иди, Прокопевна, на окошечке погуляй, – часто ободряюще говорила она себе, ведь на улицу без посторонней помощи выходить не могла, а балкона в старой квартире предусмотрено не было. Приладив к уху крошечный радиоприёмник – единственное средство общения с внешним миром, принялась «гулять», стараясь что-то разглядеть в окно. Внешне это выглядело привычно, но на самом деле старушка видела только размытые пятна и неясные очертания домов, деревьев и машин, движущихся по проспекту.

Вдруг в комнату зашёл Олежка, его порывистый шаг Прокопевна узнавала из миллиона других (только он так стучит пяточками, с тех самых пор, как только научился ходить). Правнук сел напротив, на маленькую табуретку:

– Баб, чё делаешь? Пошли в «контру» сражёмся, – семиклассник залиvisto рассмеялся своей шутке, представляя, как его старенькая прабабушка расстреливает террористов из «калаша», приговаривая своё обычное: «Светконец! Даже синяки по телу пошли... от переживания!»

– Раньше мы играли с дедынькой в «дурачка». Охы, как же он пригрывать-то не любил. Шас бы сыграла бы с тобой, сынок, да глазыньки мои ниччо не видят. Вундеркиндер ты мой!

Да и когда было нам в игры-то играть? Дедынька всё на заводе, я в детсаде. Дача – десять соток. Картошки – поле, не видать, где кончается. А как дело к осени, тут пововсе начинается мой консервный завод: варенье, засолки, маринады... Канпоты Юрочка сильно любил. Всё уж... никто ему больше вкусенького не изделает. Совсем закорючилась Прокопевна...

– Да он себе всё в магазине купит, баб.

– Не-ет в магазине маминого не продают...

– Баб, а расскажи, как в деревне жили.

– Хорошо жили. Всё было. Березняк такой огромный был – берёзыньки аж светятся. Церква в голубенькой шапочке на взгорке стоит. А поп такой красатуня, кудрявый-кудрявый. Меня в честь него Долматом прозвали. Баба твоя молоденькая тоже сильно кудрявая была. Бывалыча прилижу волосы, платком завяжу, а они снова шапкой, вверх куделями.

– А вы в чё там играли тогда?

– В деревне, сынок, играть некогда. Утром мама собирается на пашню с тремя старшими, а нам с Зинаидой наказывает в доме прибрать и огород прополоть. А Ивану – чтоб воды натаскал. А кадки-то здоровенные! К речке-то через поле гречишное надо идти, а оно, как море – волнами, волнами колыхается. И запах, как в Раю! Мы маленькие целый день по дому, по огороду работаем – старших с пашни ждём. Бывалча пойдём в огород коноплю убирать да мять – выходим, как пьяные...

Олежку сдуло с табурета приступом истерического смеха:

– Ахха-ха-хаа... – у вас чё там деревня-то наркоманская штоль была, вы там поди ганджубаса обкурились и загонялись весь день!!!

– Да-да, весь день не загонялись – работали и масло конопляное жали, лён сами ткали, всю зиму пряли. Моя ниточка самая тонкая была – на рубахи, а Зинаидина, толстая да комковатая – на мешки. Да два огромных анбара зерном заполнить надо. Дед Матвей такой могучий, бывало в горницу зайдёт, как вроде всё полно становится, он в Америку хлеб парходами торговал.

– Он бы нам лучше в Америке-то побольше родственников оставил.

– Родственников – тьма. Одних дядьков – полдеревни было. Всех разорили. Двух маминых братавьев с семьями, с детьми по семь, по восемь душ – в Нарым сослали, там они все и заганули. Вот, а дедынька меня всю жизнь как во зле, так – кулацкая морда называл. А эта кулацкая морда такого горя хлебнула. Мама успела нас с Зинаидой в город в няньки определить. Так Зинаида с одиннадцати лет, а я с девяти – в людях.

– Дык и чё? Всё одна только работа и работа? Вообще штоли не играли ни в чё?

– Да почему, играли. Сиганём через забор к Максимкиным. Они лодыри были, мы их подкармливали. Потом у нас всё поотобрали и им отдали, раскулачили в пользу бедняцкой семьи. Через год у них така же разруха началась, как и до этого. Это у нас строгость и порядок, а у них всё можно. Картошку кольцами прилепим прям к печке – печем, значит. А то возьмём, петуха в ковшик запряжем, и полный ковш цыпляточек насадим – это у нас свадьба едет. А собачонка наша косматушка, радывается, аж разрывается.

– Баб, а у тебя свадьба была?

– Не было, сынок, никакой свадьбы. Мы даже девять лет с дёдынькой не расписаны жили – всю войну, ни о чём не думали. Не до того было, да и не хотела брать его татарскую фамилию. Потом уж Зинаида заставила, чтоб все на одной фамилии были записаны. Юрочка-то у меня двойнёвый родился. Второй мальчик и весом больше был и закричал сразу, но вот помер сразу после рождения. А Юрочка такой пикунёнок. Слабенький. Ел плохо, болел часто. Температурил. Выхаживала его... ой... – Прокопевна заплакала, промокая вышитым платочком невидящие глаза.

– Не плачь, баб, дядя Юра щас вон какой кабаняка... мама так говорит. Хочешь «Кокаколы»? У меня есть.

– Ты ж мой зюсюнок. Лапынька ты моя! Не люблю я эту колоколу, она лекарством пахнет.

– Вот вечно у тебя так: варенье Акмолинском пахнет, беляш конём. А ты б чего сейчас вообще хотела? – поинтересовался зюсюнок, пряча мечтательную полуулыбку.

– Да ничего я, сыночек, не хочу. Аппетиту совсем нет. Хочу только чтоб ты путёвым человеком вырос, выучился бы, не портил глазыньки свои об этот ящик, а то ведь всю жисьть потом казниться... и...

– Так, всё – началось в деревне лето! Ну, ладно я пошёл.

«А уж летушко-то в деревне...» – Прокопевна задумалась, хотела рассказать Олежке, но он уже убежал по своим неотложным делам.

Зашумели перед её внутренним взором белотелые «берёзыньки», заволновалось духмяное гречишное море, нет которому ни конца ни края, замычала в коровнике тучная кормилица, и подросшие козлята, которых весной выкармливали из детской соски, выясняли на чистой полянке свои сложные подростковые отношения.

На сегодняшний день план у Прокопевны был задуман вполне реальный: натусить бигус (благо всё для этого есть) и постирать замоченные со вчерашнего Олежкины носочки. Половик решила сегодня не шоркать – голова не даёт, да и ночью снова кровь носом шла. Хорошо наволочку не запачкала, а то бы Ася переживала: «Да сейчас-то стирка, это не то что раньше. Вода горячая – эт-ж Рай, хоть весь день гусём полошись. Вот в деревне стирали: в огромном

чугунном чане с золой замачивали бельё, а бельё-то всё алленое (льняное) тяжёлое. Полоскали в речке, зимой в ледяной проруби. Потом валками елозили... гладили вишь так. А в казённой-то фатере состирнуть – радость одна!»

При готовке бигуса старушку одолели сомнения. Олежка капусту не больно-то жаловал. «Ну, ниччо, добавлю два куриных кубика – всё смолотит. Кетчу свою нальёт. Организим молодой, чего ни дай – всё как в топку паровозную...» – успокаивала себя Прокопевна.

Вечером перед сном, Прокопевна расчесала гребешком жидкие сизые кудряшки, помолдилась на угол, где по её мнению стояла икона «Спас Нерукотворный» (ещё полгода назад упавшая за комод) три раза перекрестилась. Легла в постель и поняла, как сильно она устала: «Вот вроде и сделала всего-ничего, а упеталась будто смену отстояла... ну зато план выполнила – некому только трудодни записать».

Лёжа в постели без сна, Прокопевна томилась в тревожном ожидании. Наконец, далеко за полночь в замочной скважине зашебуршал долгожданный ключ, по этому звуку Прокопевна безошибочно определила, по признакам известным лишь ей одной, что Ася вернулась в изрядном подпитии. Это привело старушку в сильное душевное смятение и прогнало сон:

– Мы же Громовы – гордые. Не было в нашем роду пьяниц. Это всё подруга-шалашовка окаянная, внучку с панталыку сбивает. Асенька, она ж доверчивая, варежку раззявит и бежит за ей, чего та скажет...

В споры с пьяной внучкой Прокопевна вступить не стала, знала, что кроме обидных слов в свой адрес ничего не услышит. Когда Ася угомонилась, Прокопевна беззвучно, как тень, прошла в её комнату. Слабое зрение давало единственное преимущество – ориентироваться в темноте не хуже, чем днём. Рядом с диваном, на котором сопела распластанная тушка, Прокопевна, как и ожидала, нашарила литровую коробку дешёвого вина.

Как начинающий воришка, с колотящимся сердцем понесла «тетрапак» в свою комнату, чтобы спрятать за кресло, наивно полагая, что эта нехитрая манипуляция убережёт Асю от запоя. Выливать не стала, боясь гнева импульсивной внучки и заранее подозревая о тщетности своих попыток: «Эх, взять бы всю на свете пьянку – да изничтожить враз лучом лазаря*!» (*Лучом лазаря – здесь лучом лазера)

Проходя по тёмному коридору, заприметила свет в комнате правнука. Несмотря на поздний час, работал компьютер. На осторожный стук Олежка не отозвался.

– Спит уж, наверное, а ящик-то свой не выключил. Снова будет теперь цельну ночь элехтричество зазря мотать.

Прокопевна уснула быстро, ведь её любимые были дома, и весь дневной план выполнен. Она всё падала и падала в свой сладкий спасительный сон – в прекрасную волшебную страну, где светятся белотелые берёзоньки. Могучий дед Матвей заходит в горницу. Запряжённый петух везёт по двору полный ковш цыплят. В коровнике мычит тучная кормилица. На взгорке стоит белая церковка в голубой шапочке. Волнуется духмяное гречишное море, и нет ему ни конца, ни края, а запах, как в Раю!

И всё хорошо...

Мстия моя страшна!

рассказ

Нет ничего более живучего, чем безнадёжная любовь. Взаимная любовь может наскучить. Любовь страстная перейти в дружбу или ненависть. Но любовь неразделённая окончательно никогда не покинет сердце, так прочно её цементирует обида.

Дмитрий Емец «Методий Буслаев. Месть Валькирий»

Неприкрытая наглая ложь, что на каникулах школы отдыхают! Школы не отдыхают никогда! В эти законные холлидэйные выходные, здесь нет оголтелой толпы неуправляемых оболтусов, и муниципальное образовательное учреждение № 12 подозрительно притихает, будто обдумывая очередную каверзу.

В кабинетах кучкуются педагоги, ошалевшие от тишины и просто спокойного течения нормальной жизни. И вот уже, обвыкаясь с недостижимым душевным равновесием, они начинают пить чай неторопливо, не обжигаясь на каждом глотке. Беседовать спокойными голосами, не срываясь на вопль без особого повода. Перестают бегать по коридорам, будто кто-то вечно гонится и дышит в спину.

Но тут же злобствующая администрация, состоящая сплошь из фурий с тяжёлым климактерическим синдромом, придумывает новые пытки, не оставляя ни минуты отдохновения измученным узникам. Педсоветы, совещания, сдача журналов, сверки планов, отчёты по денежным средствам и тому подобные истязания, что превращают их без того незавидную жизнь в рабство изнурительное, бессмысленное и бесконечное...

Оля и её закадычная подруга-собутыльница Нонка сидели на первой парте прямо перед остервенелой докладчицей и делали вид, что подобострастно внимают галиматье о необходимости повышения качества знаний точных предметов в среднем звене. Всем было давно известно, что количество сложносочинённых, высосанных из пальца трудов на подобные темы находится в обратной пропорциональности с истинной заинтересованностью детишек в учёбе. Ораторствующая Гарпина Яковлевна, похожая на сердитый сухофрукт, не жалея коллег, безжалостно третировала чужие уши второй час без передыху.

Была она, надо отметить, личностью выдающейся, себя почитала педагогом с большой буквы «Пе». Но если какому-нибудь сумасбродному режиссёру вздумалось бы ставить детский спектакль, например, «Айболит и другие звери», используя штатный педсостав вышеупомянутого учебного учреждения, и раздавать роли, то Гарпине идеально подошёл бы свирепый аллигатор-людоед. Долгого вживания в образ не потребуется: та же степень кровожадности и то же сочетание микроскопического мозга и чудовищной мощности челюстей. Всех детей без разбору Гарпина Яковлевна профессионально ненавидела, и целью жизни заслуженного педагога было, во что бы то ни стало, любыми способами сделать жизнь окружающих максимально невыносимой.

Бред, выдаваемый за инновационные педагогические технологии, не слушал никто, включая престарелую директрису, которая умудрялась засыпать даже на собственных «открытых» уроках. Докладчица по многолетней привычке с каждой минутой урока становилась всё свирепее и неустанно делала несчастным коллегам злобные замечания, видимо путая их с учениками. Но, как обычно бывает, не видела того, что творится непосредственно перед самым носом. Говорят, крокодилы близоруки и бросаются только на движущуюся жертву.

Оля и Нонка всё это время переписывались, истратив на общение уже половину толстой тетради. Для остальных измаявшихся учительниц день был окончательно выброшенным из жизни и причислен к искупительным мукам.

– Оля, глянь как у Гарпии уши покраснели от натуги, сухоблядка сегодня в ударе! Ишь лютует! Смотри, смотри, скоро пена ядовитая из пасти пойдёт!!!

– Ну, чего на неё смотреть, на идиотку! Пощёчина гуманизму! Расскажи лучше как у тебя? Колян не объявился???

– ОЛЯ! Не сыпь мне соль на рану! После последних событий он вообще навряд-ли насмежится из норы выползти. Знаешь, я у него когда деньги на аборт выбивала, он мне вкрадчиво так лопотал-лопотал, смущённо взор потупив долу: «Ну что ж, в следующий раз будем акку-

и всё изменится. Тогда он оценит, когда его же салом по мусалам. Мужики такие вещи на подсознательном уровне чувят!

Дни стояли на удивление тёплые, будто и не октябрь вовсе, а ласковое бабье лето. Оля и Нонка курили в укромном закутке двора, прозванном за исключительную безлюдность и крохотные размеры: «любимый аппендикс». Почти слившись с густыми зарослями шиповника, девушки сиюминутно озабоченно оглядывались и пристально всматривались в любого прохожего. Не ученик ли? Вдруг, чей родитель? А мы тут дымим – это неприлично! Заложат с потрохами Гарпине. Или, ещё чего хуже, начнут вопить из-за угла бессердечные малявки: «А историчка с русичкой ку-уу-урят!» От каждого шороха подруги машинально прятали руку с сигаретой за спину.

– Знаешь, Нон, я бы вот сейчас напилась бы вусмерть. Чтоб не видеть этого поганого мира! Чтобы мордой в грязь!

– И сгинуть там, на дне колодца, как в Бермудах навсегда?!

– Ну, что-то типп-того...

– Не-а, я завтра с восьми, потом вся первая смена: от звонка до звонка! Да с деньгами хронический напряг. Но вот лекарственный читок мимоходом раздавить – не откажусс-ся!

– А где? Чего прям здесь что-ли, на улице?

– Надо подумать...

– Чего думать на самую занюханую забегаловку у нас денегов – нэма! Забыла, что мы опущены ниже плинтуса. Солдатам в самоволке, зэкам в бегах и училкам на привязи здесь вот самое подходящее место для банкета!

– Не кипятитесь уважаемый историк-правовед, даже стоя на самой низкой ступеньке социальной лестницы, можно оставаться человеком, – Нонка брезгливо обвела глазами заплыванный уют «аппендикса» и неожиданно резко затараторила, – Мы не чужды духу здорового авантюризма! Вы песен хотите? – Их есть у меня! Только не сопротивляйся, душа моя!

Две порядочные интеллигентные дамы зашли в престижный бутик модной женской одежды. Придирчиво выбирали блузки, юбки, брюки. Деловито советовались с услужливыми продавщицами. Нагрузившись ворохом дорогой одежды, уединились в примерочной.

Как только Оля задёрнула за собой тяжёлые шторы, Нонка, скинув тряпки на стул, молниеносно достала «пузырь». «Банкет» состоял из яблока, поделённого пилочкой для ногтей, и шоколадки. Иногда для отвода глаз Нонка нарочито громко кричала в сторону зала что-нибудь в духе: «Ой, как тебе идёт этот фасон, – или, – Нет, котик, это определённо не твой цвет!» Несколько раз к кабинке подходили служительницы салона и вкрадчиво интересовались: «Как дела, что-то выбрали?» Но хвала Небесам, штору отдёрнуть не решались. Нонка, порядком обнаглев, отвечала: «Почти подошло, вот-вот уже на подходе!»

Вскоре абсолютно счастливые любительницы опасных приключений, пошатываясь выползли из примерочной, на глазах у обомлевших и разочарованных торговков вывалив кучу вещей на столик у кассы, заявили: «Ой, знаете, увы, но ничего не подошло! Так жаль, так жаль!»

Пресловутое «продолжение банкета» происходило в скорых осенних сумерках на ступенях некоего загадочного, вечно закрытого на ремонт учреждения в торце Нонкиного дома.

Подруги жили в одном дворе, работали в одной школе, а так же их судьбы были во многом схожи. В отличие от Оли, Нонка успела развестись с супругом-дебоширом по причине систематических драк. Но тирана с успехом замещала Нонкина маман, стержовозная и эгоистичная. «Моя мамыка – резкая, как газировка! Гарпина Яковлевна в замазке!» – рекомендовала её затравленная родительской опекой дочь. В будущем при сохранении такого же психотравмирующего уровня жизни самой Нонке предстояло переплюнуть родительницу в умении «размазывать» людей.

Расстелив пакеты, дамы, расположились на заброшенном крылечке, стараясь всячески оттянуть момент расставания, ведь дома их не ожидало ничего, кроме очередных неприятностей и скандалов. От пережитого азартного эпизода да исходящих от подельницы флюидов обожания и полного понимания Нонка захмелела, расслабилась. Её понесло в безудержные откровения:

– Ты представить не можешь, как я Коляна любила! Даже, наверное, и сейчас ещё люблю. Вот вернулся бы – я б ему всё простила.

– А как же мстя, которая страшна?

– Святое дело! На днях я впала в пучину мрачной достоевщины и разработала план акций устрашения.

– Зачем? К чему?

– А не хер! Не дам ему житья! Мне плохо – пусть ему тоже!

– И что ж ты напридумывала? Да и как вообще можно отомстить, если мужик тебя бросил?

– Начнём с малого, а там, как масть покатит. Чтобы сделать жизнь самца невыносимой существует масса способов. Например, вчера сдуру полночи прорыдала, потом думаю, а чё-эт я одна не сплю. Взяла телефон и звонила ему, звонила... пока гад трубку не взял. Потом прокряхтела голосом раздавленного гномика с хроническим насморком: «Брозлужайте зообщение из козмоза! Жоба. Буля. Адидас. Ты – бродивный Гондурас! Информация является гозударственной тайной, за разглашение – турма!»

– Ну, это совсем как-то по-детски. Глупо.

– А зато как от сердца отлегло! Ты себе не представляешь – просто праздник какой-то! Если сегодня бессонница будет мучить, я ему звякну часика в три ночи: «Позовите мне Коляна, тупорылого болвана!» Нет лучше: «Не у вас ли наш Колян, безобразный обезьян?»

– Можно ещё тянуть так противно, по-наркомански: Припёрло-о, бра-атан, нечем ширнуться. У тя бо-отва е? Зво-они, еслиф чё-о...

– Или ка-ак рявкнуть, словно ошпаренный прапор: «Год призыва? Размер сапог?» А спросони воспоминания об армии особенно ужасны!

На следующей неделе планирую серию мероприятий. Во-первых, дам от его имени объявления в газеты: раздел «Знакомства», рубрика «он ищет его»: «Если ты ищешь пассивного друга, не стесняйся. Позвони мне. Отдамся в нежные руки. ЖДУ!!!» и Колянов телефончик внизу.

Внезапный острый приступ хохота на несколько минут прервал диалог. После чего, утирая слёзы и размазывая тушь, коварные интриганки стали выдвигать новые версии мщения.

– Нон, я частушку дурацкую знаю, можешь использовать в каверзных целях:

А ты чо не спишь, Колян,

Чо ты ночью маешься?

Почему ты сам с собой

Сексом занимаешься?

– Пойдёт. А вот ещё есть:

Сидел Коля на заборе

Да мечтал про нежность,

И случайно между делом

Укусил промежность.

– Нон, а ещё можно на всех столбах в его районе такие объявления развесить, например: «Сдам комнату скромной, порядочной цыганской семье, желательно с детьми».

– Потом посчитаю, когда должен был наш ребёночек родиться и поздравлю в местной прессе с рождением двойни. Пусть побздит! А сколько неисчерпаемых возможностей у Интернета, ты себе представить не можешь! Эх, готовься, Колян, карьера порно-звезды не за горами!

– Или ещё можно фотку отксерить, получится точно, как «их разыскивает милиция» и на его подъезде вывесить, а под портретом подписать: «Берегись маньяк Коляшек – злой убивец чебурашек!»

– У него ж именины скоро. Надо поздравительную телеграмму сочинить, типа: «Скоро, Коля, сорок лет, день рожденья снова. Мы желаем, чтоб навек было полшестого! Твои дети подземелья». А в сам Вареньев-день чтоб посыльный принёс коробочку из под тортика, а там собачьи какашки. Что? Съел, противоза?!

– Жестковато! Но, думаю, проймёт!

– Слушай, а ты вообще собираешься своему-то муженьку-кобеляке отомстить как следует иль так и будешь поруганную невинность изображать?! В наш век победы гламура над разумом порядочная женщина должна иметь, как минимум несколько воздыхателей. Подари лося рога ветвистые...

– Да ну, ты что?! С ума сошла?! С кем у нас мстить-то? Тихо сам с собою? В нашем ареале все стоящие мужики давно наперечёт занесены в Очень Красную книгу!

– Запомни, любовники приезжают на одном поезде и уезжают тоже на одном. Тут как завещал первый, он же последний президент Советского Союза – главное *начать*! Тогда мужик повалит косяком.

– Где я найду? На улице что ли? На работе? Вокруг только бабские задницы! Или ещё наш историк – педик латентный.

– Мужчины, работающие в школе, мужчинами не считаются! – категорично парировала Нонка.

– Нет, не приспособлена я для тонкого искусства адюльтера!

После надрывного истерического смеха на Олю навалилось состояние угрюмой тоски. Она оглядела сырое крыльцо, приютившее их, огромные кляксы луж, свинцово мерцающие в полутьме, пару дворняжек деловито шуршащих в переполненной помойке неподалёку от дома. И физически ощутила, как мерзкими холодными червями сплелись обострённые чувства ненужности, бездомности, незаслуженной горькой обиды и отчаянного сиротства. Тяжёлый живой комок давил тягучей болью где-то в солнечном сплетении, наверное, там, где ещё была жива душа:

– Никому я не нужна! Никому!

Приходя домой, Оля словно попадала в эпицентр военных действий. Нервы находились в скрученном состоянии перманентного стресса. Муж подчёркнуто игнорировал её робкие попытки уладить конфликт. Видимо ему было так удобнее оправдывать свои похождения. Оля этого категорически не понимала, и искала вину в себе. Словно постоянно ковыряя болезненный нарыв, она взрастила непомерное чувство вины. Не зная, в чём именно она виновата перед мужем, мучалась в догадках: «Я просто слишком толстая? Может, не устраиваю его в сексе? Готовлю плохо?..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.